

9
C47

92
C-47

2

V

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ГОВАРДЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛАНТР. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Г. Б. Сліозберга

Съ портретомъ Говарда, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

1р. ~~1475~~

~~1475-75~~
46

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ. 39
1891

523980

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законоѣдніе.

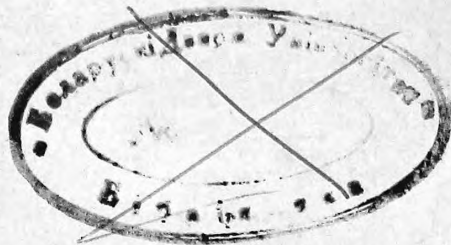
- СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.** Съ портретами, биографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 16 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же. безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплетъ: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. для 10-томнаго (5 переп.) 1 р. и 2 р.
- СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.** Полное собраніе стихотвореній и вся беллетристика въ прозѣ. Въ 1 томѣ Съ биографіей, портретами и пр. Ц. 1 р. Съ карт.—2 р.
- СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.** Полное собраніе съ портретами, биографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.) Цѣна безъ картин—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.
- БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ** къ „Сочиненіямъ Пушкина“, 44 иллюстраціи съ подписями и портретомъ. Ц. въ папѣ 1 р. 50 к.
- МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ** къ „Сочиненіямъ Пушкина“. Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рѣзаны на деревѣ. Ц. въ колѣнкор. переплетѣ—1 р. 25 к.
- КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.** Повесть А. Пушкина. Роскошное изданіе съ 188 рис. Ц. 60 к. Въ папѣ—75 к. въ переп. 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.** Съ портретомъ автора и статей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплетъ въ 50 к. и въ 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАВИЧЕВСКАГО.** Критич. очерки, публицист. этюды, литерат. характеристики. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.
- РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНѢНІЯ** въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа. Ц. 75 к.
- СОЧИНЕНІЯ Э. РЪШЕГНИКОВА.** Въ 2 томахъ. Съ портретомъ автора и статей М. Протопопова. Цѣна 2 р. 50 к. Переплетъ въ 50 к. и 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕГУНОВА.** Въ 2 томахъ. Съ портр. автора и стат. Н. Михайловскаго. Цѣна за оба тома 3 р. Въ переп. 3 р. 50 к. и 4 р.
- ГУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ** Съ портретомъ Тургенева. Ц. 15 к.
- ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЮ.** Макс Нордау. Перев. Э. Зауэръ. Ц. 2 р.
- ВЕСЕЛЫЕ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ.** С. Горянской. Ц. 15 коп.
- ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ,** обменянонато изложеніе и объясненіе. Составилъ В. Фармакопскій. Изд. 4-е Ц. 1 р. 25 к.
- НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ** Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія А. Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.
- ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ** С. Приклонскаго. Ц. 2 р.
- ВОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ.** Бытовые очерки И. Тимощенкова. Ц. 1 р.
- ВРЮХО ПЕТЕРБУРГА.** А. Бахтиярова. Цѣна 1 р.
- СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ.** П. Мантегацца. Ц. 75 к.
- БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ.** Гигиеническій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.
- НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ.** Ф. Павленкова. Цѣна 35 к.
- ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА.** 2-е изд. Ц. 75 к.
- ИСТОРИЯ КНИГИ НА РУСИ.** А. Бахтиярова. Съ много рис. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Братья Разбойники. Съ 3 карт. ц. 2 к.—Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Цыганы. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сназна о царѣ Салтантѣ. Съ карт., ц. 4 к.—Сназна о попѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сназна о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сназна о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сназна о рыбацк. и рыбацѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Онегинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Анджело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Снупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Моцартъ и Сальери. Съ карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Барышня-крестянина. Съ 2 карт., ц. 4 к.—Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровский. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Капитанская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачев. бунта. Съ мног. карт., ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 8 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драмат. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Бѣликина. Съ 7 карт., ц. 10 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретами, ц. 25 к.

15 Іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпуститъ дешевое изданіе сочиненій ЛЕРМОНТОВА.

ПРОВЕРЕНО
1950 г.

Г о в а р д ъ .

92
С-478 9/42)

+

Пров. 1965

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Д. ГОВАРДЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛАНТР. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Г. Б. Слюзберга

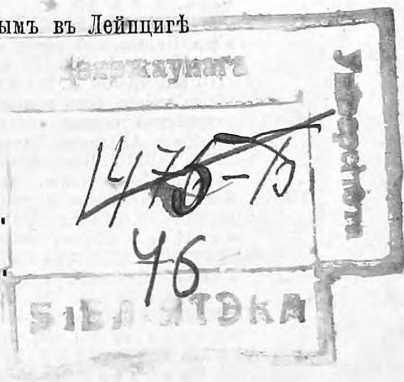

523980

Съ портретомъ Говарда, гравированнымъ въ Лейпцигѣ
Геданомъ

Установа адукацый
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П. М. Машэрава"
БІБЛІАТЭКА

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39

1891

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ,

издаваемая Ф. Павленковымъ.

Въ составъ ея вошли пока (юль 1891 г.), слѣдующія книги:

Ручной трудъ. Составилъ Графиня. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. — Электрические звонки. Воттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р. — Руководство къ рисованію акварелью. А. Кассаня. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к. — На всякій случай! А. Альмедингена. Научно-практическіе совѣты по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насекомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Ц. 60 к.

Популярно-научныя книги.

- ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ФИЗИОЛОГИЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
- МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.
- РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиня. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- ЭКСТАЗЪ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.
- УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМИИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
- КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнечныхъ часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.
- СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярныя очерки міровидѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
- ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламариона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренья. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ В. Чиколева. съ 161 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. 30 к.
- О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж. Маневьеръ. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- СПРАВочНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.
- ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
- ГЛАВНѢЙШИЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Воттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
- СОВРЕМЕННЫЯ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
- ПСИХОЛОГИЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
- ПСИХОЛОГИЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Ж. Бля. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
- ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕЩАТЕЛЬНОСТЬ. П. Ломбросо. Съ рис. Ц. 2 р.
- ЧТО СДѢЛАТЬ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопаткина. Ц. 75 к.
- КЛѢВНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
- ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
- ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. П. Жукоскаго. Съ 72-ми рис. Ц. 60 к.
- ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тиссандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.
- СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. П. Павленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Д-Боста. Съ илл. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.
- ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научней философіи. А. Секии. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Дозвол. ценз. С.-Петербургъ 2 Августа 1891 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Введение	5
ГЛАВА I. Время и мѣсто рожденія Говарда.—Пронсхожденіе.—Раннее дѣтство.—Первая школа и характеръ воспитанія.—Школа Имза.—Недостаточность образованія Говарда.—Коммерческая его дѣятельность.—Смерть отца Говарда.—Говардъ на распутьи.—Результаты воспитанія	11
ГЛАВА II. Путешествіе на континентъ.—Пребываніе въ Сток-Ньюингтонѣ.—Болѣзнь.—Женитьба на Сарѣ Лойдоръ.—Смерть жены.—Поѣздка въ Португалію.—Плѣнь.—Возвращеніе	20
ГЛАВА III. Говардъ въ Кардингтонѣ.—Его религія.—Интересъ къ метеорологіи.—Избраніе въ члены Королевскаго Общества.—Второй бракъ.—Условіе, заключенное съ невѣстой на день свадьбы.—Жизнь въ Уэткомбѣ.—Дѣятельность Говарда въ Кардингтонѣ, устройство школы.—Смерть жены.—Говардъ, какъ отецъ.—Его взглядъ на воспитаніе дѣтей.	27
ГЛАВА IV. Путешествіе по континенту въ 1769 г.—Религіозное настроеніе Говарда.—Его дневникъ.—Путешествіе до Турина.—Обратный путь черезъ Женеву, Парижъ.—Измѣненіе плана поѣздки.—Обѣтъ въ Неаполѣ.—Возвращеніе въ Англію.	35
ГЛАВА V. Болѣзнь.—Назначеніе Говарда шерифомъ въ 1773 г.—Исполненіе имъ своихъ обязанностей.—Знакомство съ состоятельнымъ тюремъ.—Бедфордская тюрьма.—Уголовное законодательство того времени.—Тюрьмы въ Европѣ.—Задача Говарда.	40
ГЛАВА VI. Первая ревизія англійскихъ тюремъ.—Билль Попгема.—Отчетъ предъ парламентомъ.—Благодарность послѣдняго.—Говардъ кандидатъ въ депутаты.—Ревизія континентальныхъ тюремъ въ 1775 г.—Бастилія.—Новый осмотръ англійскихъ тюремъ въ ноябрѣ 1775 г.—Печатаніе книги Говарда.—Успѣхъ ея.—Образъ жизни Говарда.	51
ГЛАВА VII. Понтонная система тюремъ.—Новое путешествіе по континенту.—Инцидентъ въ Голландіи и болѣзнь Говарда.—Эпизодъ въ Прагѣ.—Посѣщеніе тюремъ въ Вѣнѣ.—Откровенное мнѣніе Говарда о реформѣ Іосифа II.—Поѣздка по Італіи.—Буря на морѣ.—Возвращеніе на родину.—Новое обзрѣніе тюремъ.	58
ГЛАВА VIII. Назначеніе Говарда членомъ комитета по постройкѣ новыхъ тюремъ.—Поѣздка въ Данію, Швецію, пребываніе въ Петербургѣ.—Допросъ палача.—Москва.—Возвращеніе въ Англію.—Посѣщеніе Португаліи и Испаніи въ 1783 г.—Чума.—Поѣздка на континентъ.—Запрещеніе въѣзда во Францію.—Италія.—Малая Азія. Константинополь.—Венеція.—Возвращеніе въ Англію.—Поѣздка въ 1789 г. въ Россію.—Кременчугъ.—Херсонъ.—Смерть Говарда.	64

Источниками при составленіи этого очерка служили слѣдующія сочиненія:

John Howard, The State of the Prisons in England and Wales, 1780

Balwin Brown, Memoirs of the public and private life of John Howard, the philanthropist. London 1818.

Herworth Dixon, John Howard and the prison world of Europe, London 1850.

Rev. H. W. Bellows, John Howard, his life, character and services. (Transactions of the international penitentiary Congress held in London), London 1872.

Палюмбецкій, Джонъ Говардъ и состояніе тюремъ въ Европѣ въ концѣ XVIII столѣтія (въ юридическихъ запискахъ Яневича-Яневскаго, т. V).

Holtzendorff und Jagemann, Handbuch des Gefängniswesens. B. I. 1888.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ январѣ 1890 года исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти Джона Говарда. Имя этого человѣка получило громкую извѣстность не только на родинѣ его, въ Англии, но и далеко за ея предѣлами, подобно тому, какъ кругъ дѣятельности его не ограничивался однимъ отечествомъ, а обнималъ многія государства или, вѣрнѣе, — охватывалъ собою все человѣчество. Про книгу знаменитаго современника Говарда, маркиза Цезаря Беккариа, работавшаго во имя той же конечной цѣли, какъ и Говардъ, говорили, что она была больше «добрымъ дѣломъ», чѣмъ хорошею книгой; но еще весьма недавно одинъ нѣмецкій изслѣдователь гуманитарнаго движенія во Франціи второй половины прошлаго столѣтія нашелъ возможнымъ назвать эту книгу — не только добрымъ дѣломъ, но всемірно историческимъ подвигомъ. Такъ отзываются о книгѣ, въ которой авторъ, воодушевленный благородными стремленіями, старался, на основаніи философскихъ принциповъ и логическихъ доводовъ, убѣдить современное ему человѣчество въ необходимости усвоить себѣ гуманныя начала правосудія. Подвигъ состоялъ въ проповѣди. У Говарда такимъ всечеловѣческимъ подвигомъ была его жизнь, вся его дѣятельность, каждый моментъ которой представлялъ собою въ свою очередь подвигъ. И прославился онъ не словомъ, а дѣломъ. То, что другіе сподвижники культуры и

гуманности проводили въ жизнь словомъ, Говардъ проводилъ дѣломъ. Его литературная дѣятельность, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ наполнилъ свою жизнь, является весьма незначительною, и не она обезсмертила его имя. Его книги о современномъ ему положеніи тюремъ и госпиталей въ Англіи и другихъ государствахъ только краткіе отчеты о его дѣятельности, и онѣ конечно, не могли бы имѣть того значенія, которое имъ выпало на долю, если бы изъ каждой страницы этихъ книгъ не выдѣлялся чарующій образъ самого автора ихъ, стучащагося въ двери тюремъ, стоящаго у одра смерти, безстрашно борющагося съ болѣзнями изъ любви къ ближнему. Мы въ послѣдствіи вернемся къ книгамъ Говарда, но скажемъ теперь же, что основная черта характера Говарда, удивительно послѣдовательно проявляющаяся во всей его жизни и дѣятельности, отразилась и на произведеніяхъ его. Безстрастнымъ, дѣловымъ до сухости слогомъ онъ воспроизводитъ видѣнное и изслѣдованное имъ въ мѣстахъ заключенія, — этихъ вмѣстилищахъ отчаянія. Все видѣнное имъ, его горячее стремленіе улучшить положеніе вещей, — ужасы человѣческой жестокости съ одной стороны и непроглядный мракъ отчаянія съ другой, — не вызывали въ немъ вдохновенныхъ словъ, страстнаго изложенія, горячей проповѣди безпощаднаго бичеванія, — онъ не забываетъ снять планъ осматриваемой тюрьмы, въ подробности освѣдомиться о числѣ заключенныхъ, объ ихъ пищѣ, объ издержкахъ содержанія и т. д. Фанатикъ идеи улучшенія тюремъ, онъ спокойно и во всей подробности изучаетъ положеніе ихъ въ Европѣ, всюду личнымъ осмотромъ удостовѣряется въ читанномъ и слышанномъ имъ, и на основаніи личнаго опыта медленно и осторожно вырабатываетъ планъ къ осуществленію завѣтной мечты. Во всей его дѣятельности нѣтъ откровенія, нѣтъ наитія философской мысли, филантропической идеи, заранѣе формулированной и превра-

тившейся въ стимулъ дѣятельности. Оттого дѣятельность его не представляетъ собою ничего лихорадочнаго, ничего торопливаго, страстнаго. Самоотверженіемъ онъ занимается какъ дѣломъ, это его занятіе, подобно той коммерческой дѣятельности, которой предавался его отецъ. Его взглядъ не отуманивается предвзятою идеей, а постепенно и медленно вырабатывается. Величайшая побѣда, одержанная Говардомъ надъ самимъ собою, состояла въ томъ, что у него не сердце завладѣло разумомъ, а наоборотъ разумъ руководилъ сердцемъ. Въ такой полнотѣ и въ такой гармоніи побѣда эта не одерживалась никѣмъ.

Вторая половина прошлаго столѣтія, къ которой относится вся дѣятельность Говарда, ознаменовалась гуманитарнымъ движеніемъ. Въ большой степени движеніе это проявилось въ области уголовного правосудія, которое для тогдашняго времени едва-ли можно охарактеризовать лучше, чѣмъ назвавъ его «узаконеннымъ беззаконіемъ». Идеи естественнаго права, вѣра въ то, что человѣку врожденны извѣстныя права, которыя ни однимъ закономъ не могутъ и не должны быть нарушены, и созданная на этой вѣрѣ система какъ государственнаго, такъ и уголовного права не оправдалась даже въ смыслѣ теоретическомъ. Выдвинутое начало «естественныхъ правъ» имѣло цѣлью логически привести къ огражденію личности отъ средневѣковаго произвола, царившаго въ государственной и правовой сферѣ. На самомъ-же дѣлѣ оказалось, что идея естественнаго права приводила логически къ совершенно противоположному результату. Последовательные и достаточно смѣлые умы, какъ Гоббсезъ, исходя изъ понятія о естественномъ правѣ, приходили къ выводу, по которому права личности не только не укрѣплялись, но, наоборотъ, всецѣло поглощались «Левіаѳаномъ» — государствомъ. Отъ такой философской системы нельзя было ожидать реформы уголовного правосудія. Реформаціоннымъ движеніемъ стали руководить идеи

болѣе реальныя, болѣе осязаемыя,—идеи справедливости, гуманности и наконецъ, къ самому концу прошлаго столѣтія, — утилитарныя, выдвинутыя Іереміей Бентамомъ. Потребность реформы чувствовалась всѣми, и нѣтъ ни одного дѣятеля такъ называемаго гуманитарнаго движенія во Франціи, котораго бы не занимали вопросы уголовного права. Пропаганда, руководимая такимъ борцомъ, какъ Вольтеръ, пустила глубокіе корни въ общественномъ сознаніи дореволюціонной Франціи, и мы видимъ, что однимъ изъ первыхъ шаговъ революціоннаго законодательства было изданіе новаго уголовного кодекса 1791 г.

Движеніе вскорѣ охватило и другія государства Европы; всюду реформа юстиціи,—главнымъ образомъ уголовной, сдѣлалась предметомъ заботъ законодателей. При этомъ можно указать на интересную черту, характеризующую это движеніе въ Англіи, сравнительно съ континентомъ. Въ то время, когда на материкѣ Европы всѣ усилія направлялись къ тому, чтобы смягчить карательную систему и въ особенности ослабить свирѣпствовавшую всюду въ широкихъ размѣрахъ смертную казнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить правильность отправленія правосудія соотвѣтствующими формами веденія уголовныхъ дѣлъ,—въ Англіи движеніе начинается прямо съ улучшенія самихъ наказаній, особенно тюремнаго заключенія. Такъ — на континентѣ стремятся прежде всего къ тому, чтобы законъ не устанавливалъ несправедливыхъ, не соотвѣтствующихъ винѣ преступника, наказаній; заботятся о томъ, чтобы устранить возможность осужденія невиннаго, отмѣнить пытку, которой подвергался заподозрѣнный въ совершеніи преступленія человекъ еще до его осужденія и лишь во имя будущаго признанія его преступникомъ; но о преступникѣ, заключенномъ въ казематѣ, лишенномъ свѣта и свободы, уже не заботятся, онъ становится забытымъ. Въ Англіи же на первомъ планѣ стоитъ именно этотъ уже

осужденный преступникъ; здѣсь стараются улучшить его положеніе, установить къ нему болѣе человѣчное отношеніе со стороны исполнителей закона, чѣмъ то, которое выпадало на его долю раньше. Эта противоположность имѣеть конечно свои причины; главная изъ нихъ — та, что въ Англіи дѣйствовалъ идеальный, сравнительно съ континентомъ, судъ: судъ присяжныхъ, — что Habeas Corpus Act 1215 г. былъ хартіей, ограждающей личную неприкосновенность въ болѣе дѣйствительной степени, чѣмъ даже прекрасная «декларация правъ человѣка и гражданина» времени французской революціи. Но фактъ именно таковъ. Это между прочимъ объясняетъ и средства, которыми дѣйствовали люди, стоявшіе во главѣ движенія.

Для реформы уголовного законодательства и процесса, къ которой стремились на материкѣ, необходимо было выработать общія теоретическія начала и потомъ только испытать ихъ жизнеспособность на практикѣ. Такая работа продолжительна и непосильна для одного человѣка.

Но задача, которую пришлось разрѣшить Англіи и которую выполнилъ Говардъ, гораздо проще: нужно было обратить вниманіе на тюрьмы, изучить ихъ состояніе и устранить то, что не мирится съ человѣколюбіемъ, съ разумомъ.

Не было надобности въ особенно глубокомысленныхъ теоретическихъ соображеніяхъ, чтобы видѣть всю настоятельность коренной реформы тюремнаго дѣла. Но для этого мало было обратить вниманіе на состояніе тюремъ; требовался человѣкъ, который весь отдался бы идеѣ реформы и подробно ознакомилъ общественное мнѣніе съ тѣмъ, что дѣлается въ мѣстахъ заключенія, неотступно будя его вниманіе, и личнымъ примѣромъ содѣйствовалъ бы укорененію гуманныхъ взглядовъ на отверженныхъ членовъ общества.

Общественное вниманіе конца прошлаго столѣтія въ Европѣ было поглощено совершавшимися въ то время міровыми событіями; его нелегко было обратить на заброшенный и забытый міръ преступниковъ, томящихся въ тюрьмахъ; только гигантской энергіи Говарда могло хватить на то, чтобы заставить не только правительство Англій и разныхъ государствъ, но и само общество интересоваться вопросомъ тюремной реформы, сдѣлать его вопросомъ неотложнымъ и немедленно приступить къ его разрѣшенію. Говардъ достигъ этого не широкими обобщеніями, не блескомъ философской мысли, а лишь тѣмъ, что повѣдалъ современному ему міру тайны тюремнаго быта. Не было болѣе или менѣе важной тюрьмы въ Европѣ, которую Говардъ не осмотрѣлъ бы; понадобилось много лѣтъ неутомимаго труда, долгихъ путешествій, чтобы основательно изучить положеніе тюремъ. Но еще болѣе необходимо было для выполненія этой несложной, но колоссально-трудной задачи безкорыстное служеніе высокой идеѣ человѣколюбія, полное самоотреченія ради добраго дѣла, — словомъ, нуженъ былъ Говардъ — этотъ великій филантропъ и безстрашный герой благотворенія.

I.

Время и мѣсто рожденія Говарда.—Происхожденіе.—Раннее дѣтство.—Первая школа и характеръ воспитанія.—Школа Имза.—Недостаточность образованія Говарда.—Коммерческая его дѣятельность.—Смерть отца Говарда.—Говардъ на распутьи.—Результаты воспитанія.

Мѣсто и время рожденія Джона Говарда въ точности неизвѣстны. На статуѣ, поставленной въ честь великаго филантропа въ соборѣ Св. Павла въ Лондонѣ, имѣется надпись: «родился въ Гакней, въ графствѣ Миддльсексъ, 2 сентября 1726 года». Точность этой надписи подвержена однако большимъ сомнѣніямъ. Годомъ рожденія Говарда нѣкоторые считали 1724-й, а другіе 1725-й, наконецъ даже 1726-й годъ. Позднѣйшіе біографы, между прочими и Диксонъ, не рѣшаются дать точнаго указанія на этотъ счетъ и полагаютъ, что Говардъ родился или въ 1725 или въ 1726 году. Такая же неопредѣленность существуетъ и относительно мѣста рожденія филантропа. Этимъ мѣстомъ считали Гакней (нынѣ одно изъ восточныхъ предмѣстій Лондона); другіе полагали, со словъ друга Говарда доктора Айкина, что Говардъ родился въ Энфилдѣ; личный другъ филантропа, пасторъ Пельмеръ, указывалъ на Клэптонъ; наконецъ распространеннымъ является мнѣніе о томъ, что родиной Говарда было помѣстье Кардингтонъ, сдѣлавшееся впоследствии его любимымъ мѣстопребываніемъ. Вѣроятнѣе всего однако, что Говардъ родился въ помѣстьѣ его отца, Клэптонѣ, принадлежащемъ къ приходу Гакней.

Не мало попытокъ сдѣлано было со стороны нѣкоторыхъ біографовъ Говарда, чтобы придать его роду знатность. Пове-

домъ къ этому могло послужить то, что имя «Говардъ» часто встрѣчается въ аристократическихъ семьяхъ Норфолькъ, Суффолкъ, Карлейль и др. Но попытки эти не привели ни къ какимъ результатамъ, и Джонъ Говардъ, «герой благотворительности», долженъ быть признанъ однимъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ право сказать—«я самъ себѣ предокъ». Отецъ его былъ почтеннымъ купцомъ въ Лондонѣ и велъ оптовую торговлю коврами и обойнымъ товаромъ. Онъ успѣлъ составить себѣ приличное состояніе и ко времени рожденія сына (кромя Джона у него была еще одна только дочь) удалился изъ Лондона, прекративъ свою торговлю. О матери Говарда сохранилось мало свѣдѣній; на воспитаніе своего сына эта женщина не могла имѣть никакого вліянія уже потому, что она умерла вскорѣ послѣ рожденія Джона, оставивъ ему въ наслѣдство лишь незавидное физическое здоровье. Отецъ отдалъ ребенка кормилицѣ, фермершѣ въ Кардингтонѣ, и только благопріятныя климатическія и гигиеническія условія сельской жизни дали возможность хрупкому и слабому созданію преодолѣть болѣзни и опасности дѣтства.

О первыхъ годахъ жизни Говарда извѣстно мало. Лишенный материнскаго попеченія и той теплоты, которою только материнская любовь согрѣваетъ дѣтскую душу, располагая ее къ общительности, маленькій Джонъ представлялъ собою существо мало общительное, сосредоточенное; слабая физическая организація больше располагала его къ задумчивости, къ покою, чѣмъ къ дѣтской рѣзвости.

Нѣтъ никакихъ указаній на отношеніе къ нему отца, и едва ли будетъ ошибочнымъ предположить, что при всей любви къ своему ребенку, въ отношеніяхъ отца было мало нѣжнаго, мало замѣняющаго материнскій уходъ. Аккуратный и дѣловой, какъ купецъ, онъ къ воспитанію своего сына несомнѣнно относился съ тою же строгостью и сухостью, которая присуща была всѣмъ людямъ его круга и его религіозныхъ возрѣвій—кальвинистамъ-диссидентамъ. Вотъ почему раннее дѣтство Джона ничѣмъ не обличало будущаго замѣчательнаго человѣка. Къ склонностямъ и способностямъ ребенка не умѣли прислушиваться; его воспитаніе, а

впослѣдствіи и обученіе, было подчинено заранѣе составленному плану и направлено къ опредѣленной цѣли—сдѣлать изъ мальчика дѣльнаго, честнаго купца, къ чему онъ по природѣ своей былъ такъ мало склоненъ. Первоначальное направленіе, данное воспитанію Джона Говарда, имѣло большое вліяніе на его будущую дѣятельность, всецѣло поглотившую вторую половину его жизни. Съ другой стороны, это направленіе было причиной того, что образованіе Говарда оказалось недостаточнымъ, и ему приходилось впослѣдствіи во многомъ его дополнять.

Прежде чѣмъ приступить къ осуществленію завѣтныхъ своихъ стремленій, Говардъ, бывшій по природѣ и воспитанію весьма строгимъ къ самому себѣ, не могъ не чувствовать пробѣловъ въ своемъ образованіи, которые восполнены были лишь впослѣдствіи и съ немалымъ трудомъ.

О первыхъ годахъ жизни Говарда лучшей его біографъ Диксонъ говоритъ: «никто не замѣчалъ печати генія на спокойномъ, болѣзненнымъ лицѣ маленькаго Джона; никто по немъ не могъ бы предсказать великой будущности ребенка; хотя всякій, знающій этого мальчика, любилъ его, но эта любовь больше походила на жалость; никто ему не удивлялся, никто его не отмѣчалъ. Онъ не останавливалъ на себѣ вниманія; если проблески душевной простоты, скромности и доброты и обращали иногда на себя взоръ окружающихъ, то только случайно и на мгновеніе. Нравственныя, душевныя особенности дѣтей рѣдко становятся предметомъ наблюденія,—рѣдко возбуждаютъ удивленіе въ той же мѣрѣ, въ какой замѣчаются умственныя способности ребенка. Правъ ли свѣтъ, дѣлая такое различіе? Широкая нравственная мощь натуры болѣе важна для счастья и благоденствія человѣчества, чѣмъ великій умъ; но, къ несчастію, одна только сторона человѣческой души привлекаетъ и господствуетъ въ мѣрѣ,—диктуетъ законы, предсѣдательствуетъ въ судбищахъ, и все завоевываетъ для себя. Спокойный, терпѣливый ребенокъ, прощающій обиды, никогда не привлекаетъ къ себѣ окружающихъ, не вознаграждается ихъ похвалою; и лишь ребенокъ бойкій, нетерпѣливый, рѣзкій и самоувѣренный въ своихъ дѣтскихъ сужденіяхъ—вотъ кто становится предметомъ всеобщихъ ласкъ, удивленія и похвалъ».

Когда наступило время позаботиться объ обученіи Джона, мальчикъ былъ отданъ въ школу пастора Джона Ворслея. При выборѣ учителя, отецъ Говарда, не имѣя намѣренія дать своему сыну какое либо спеціальное образованіе, руководился исключительно своими религіозными возрѣніями, и неудивительно, что выборъ его палъ на человѣка, не столько сильнаго въ познаніяхъ, сколько крѣпкаго въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, вполне соотвѣтствующихъ его собственнымъ. Въ этой школѣ, не смотря на семилѣтнее пребываніе въ ней, юный Джонъ мало успѣлъ.

По собственному заявленію Говарда, сдѣланному много лѣтъ спустя, — онъ оставилъ школу Ворслея, не научившись въ ней почти ничему. Нельзя не признать, что малоуспѣшность первоначальнаго обученія Джона была чрезвычайною. Ее объясняли неспособностью учителя, но такое объясненіе едвали достаточно. Вѣроятно, что это зависѣло также и отъ самого ученика. — Намъ кажется, что на ходъ развитія и образованіе Говарда сильно вліяло общее направленіе, данное его воспитанію и сохраненное филантропомъ во всю его жизнь; молодой умъ Джона старались направить къ одному, — къ твердости и неуклонности въ религіозныхъ принципахъ; его упражняли въ безпрекословномъ подчиненіи предписаніямъ религіи; задача перваго учителя Говарда состояла, очевидно, не въ развитіи мышленія и ума ребенка, а, если можно такъ выразиться, въ дрессированіи души его. Это было спартанское воспитаніе духа, наподобіе спартанскаго упражненія тѣла. И кто знаетъ, можетъ быть вліянію этого скромнаго сельскаго учителя, не счумѣвшаго научить мальчика латинской и греческой грамматикѣ, — этому краеугольному камню образованія первой половины прошлаго столѣтія въ Англии, — міръ обязанъ всѣми удивительными подвигами Говарда, поражающими не блескомъ и широтою замысла, а душевною крѣпостью, геройствомъ сердца.

Мы увидимъ впоследствии, какую важную роль играли въ жизни Говарда его религіозныя убѣжденія; между тѣмъ все дальнѣйшее его образованіе, по выходѣ изъ подъ руководства Ворслея, не указываетъ на какой либо факторъ, который дѣйствовалъ бы въ этомъ направленіи; поэтому невольно приходитъ въ голову мысль о томъ, что именно за семилѣтнее пре-

бываніе въ школѣ пастора Ворслея, давшей ему такъ мало въ смыслѣ образовательномъ, Говардъ запасся тою душевною силой, которая составляетъ отличительную черту этого необычайнаго характера.

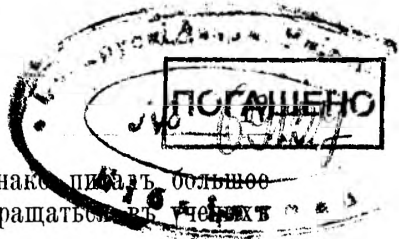
Изъ школы Ворслея молодой Говардъ переведенъ былъ отцомъ своимъ въ высшую школу, находившуюся въ завѣдываніи одного изъ лучшихъ тогдашнихъ преподавателей въ Лондонѣ—мистера Джона Имза, члена Королевскаго Общества. Этотъ почетный наставникъ готовилъ себя къ духовной карьерѣ, но послѣ первой публичной проповѣди усомнился въ своихъ проповѣдническихъ способностяхъ и посвятилъ себя воспитанію дѣтей диссидентовъ. Благодаря своему обширному образованію, Джонъ Имзъ вскорѣ занялъ высокое положеніе въ ученыхъ кругахъ Англіи, былъ личнымъ другомъ Ньютона и сдѣлался однимъ изъ знаменитыхъ педагоговъ въ Лондонѣ. Этому чловѣку и поручено было дальнѣйшее образованіе Говарда. Одновременно съ Говардомъ обучался въ школѣ Имза извѣстный впоследствии политическій и литературный дѣятель Прайсъ. Оба молодыхъ чловѣка, не смотря на громадную разницу въ характерахъ и способностяхъ, подружились между собою и остались друзьями до смерти. Въ распоряженіи біографовъ Говарда имѣется мало матеріала относительно ранней юности Говарда, и, къ сожалѣнію, въ немъ вовсе нѣтъ указаній на знакомство и дружескія отношенія его къ Джону Прайсу. Эти указанія были бы чрезвычайно цѣнными въ біографическомъ отношеніи. Вѣроятно же всего, что молодыхъ людей связало именно различіе въ ихъ характерахъ. Говардъ и Прайсъ другъ друга дополняли: блестящія способности второго вполне соответствовали душевнымъ качествамъ перваго. Не удивительно, что при совмѣстной школьной жизни, дававшей много поводовъ обнаружить свойства молодыхъ людей, они чувствовали влеченіе другъ къ другу и на всю жизнь остались друзьями.

Неизвѣстно, сколько времени пробылъ Говардъ въ школѣ Имза, но во всякомъ случаѣ онъ въ ней оставался недолго. Говарда, какъ сказано уже выше, не готовили къ ученой карьерѣ; тѣ познанія, которыя ему могло бы доставить болѣе продолжительное пребываніе въ этой школѣ—основательное знаніе

греческаго и латинскаго языковъ—представлялись не важными для солиднаго коммерсанта, какимъ хотѣлъ сдѣлать Джона его отецъ. Къ тому же классическіе языки не особенно давались молодому человѣку. О томъ, что вынесъ Говардъ изъ школы Имза—безспорно хорошей въ отношеніи педагогическомъ—друзья Говарда отзывались крайне различно. Такъ, Айкинъ въ составленной имъ краткой біографіи Говарда объ общемъ образованіи великаго филантропа весьма рѣзко замѣчаетъ: «У него не было почти никакого знакомства ни съ греческими, ни съ римскими классиками; такъ же незначительны были его познанія и по новымъ языкамъ, за исключеніемъ впрочемъ французскаго; недостаточнымъ было его знакомство и съ отечественною литературою; до послѣднихъ дней своей жизни Говардъ не умѣлъ изящно и правильно писать даже на родномъ языкѣ».

Наряду съ этимъ отзывомъ, извѣстенъ отзывъ другого личнаго друга Говарда, д-ра Стеннета, который также, на основаніи близкаго знакомства съ филантропомъ, свидѣтельствуетъ, что «онъ былъ человѣкомъ большой учености, чрезвычайно начитаннымъ въ изящной литературѣ и хорошо знакомымъ съ нѣсколькими новыми языками».

Біографы Говарда старались примирить эти два крайнихъ отзыва о степени его образованности. Такъ напримѣръ Диксонъ полагаетъ, что Айкинъ слишкомъ строго,—Стеннетъ же, наоборотъ, слишкомъ снисходительно судятъ объ учености Говарда. Мы полагаемъ, что, если отбросить крайности того и другого сужденія, то во всякомъ случаѣ окажется несомнѣннымъ, что изъ школы Имза Говардъ вышелъ не съ завершеннымъ образованіемъ. Если Говардъ втеченіе многихъ лѣтъ старался потомъ восполнить этотъ пробѣлъ и дѣйствительно его восполнилъ настолько, что другъ его Стеннетъ считалъ его очень ученымъ человѣкомъ, то въ образованіи его всегда замѣчался недостатокъ систематичности, пробѣлъ въ элементарныхъ основахъ, что такъ часто встрѣчается у самоучекъ. О неумѣнн же красиво выражаться—необходимо признать безспорнымъ свидѣтельство Айкина, которому, какъ мы увидимъ впоследствии, Говардъ поручилъ редактировать свою книгу—о положеніи тюремъ и госпиталей.

Не будучи самъ ученымъ, Говардъ однако имѣлъ большое уваженіе къ наукѣ и всегда любилъ вращаться въ ученыхъ кругахъ Лондона.

Для той карьеры, которую готовилъ своему сыну отецъ молодого Говарда, образованіе, полученное имъ, было вполне достаточнымъ, такъ что откладывать осуществленіе намѣреній отца для послѣдняго казалось излишнимъ. И вотъ 15-лѣтняго юношу отдали для ознакомленія съ коммерческимъ дѣломъ въ лондонскую оптовую торговлю мануфактурнымъ товаромъ Ньюгема и Шиплея. Профессія коммерсанта врядъ ли соответствовала желаніямъ самого Джона Говарда, но съ его стороны не могло быть и рѣчи о противодѣйствіи, — его не допустилъ бы отецъ, отличавшійся строгимъ, патріархальнымъ образомъ мыслей, да и сынъ, воспитанный въ полномъ подчиненіи родительской волѣ, не былъ склоненъ оказывать его.

Биографы Говарда находятъ, что коммерческая дѣятельность его, хотя и кратковременная, не осталась для него безслѣдною. И дѣйствительно нельзя отрицать, что, въ качествѣ торговаго ученика, молодой человекъ приобрѣлъ нѣкоторое знакомство съ жизнью, содѣйствовавшее его умственному развитію, и что въ дѣлѣ Ньюгема и Шиплея Говардъ усвоилъ себѣ ту дѣловитость и аккуратность, которыми онъ отличался впоследствии, дѣйствуя на совершенно иномъ поприщѣ. Но Говарду не пришлось долго оставаться у названныхъ купцовъ. 9 сентября 1742 года умеръ его отецъ; Джонъ сдѣлался наследникомъ довольно обширнаго недвижимаго имущества и капитала въ 7000 фунтовъ (70 тыс. рублей); сестра Говарда должна была, по завѣщанію отца, получить 8000 фунтовъ и оставшіяся драгоценности. Хотя по волѣ отца имущество должно было перейти въ распоряженіе сына не раньше, какъ ему минетъ 24 года, однако назначенные душеприказчиками родственники умершаго не видѣли надобности препятствовать Говарду въ распоряженіи какъ имуществомъ, такъ и своею судьбою. И вотъ для молодого человека оказалась возможность оставить торговые занятія, весьма мало его привлекавшія. Къ тому же здоровье его было нѣсколько разстроено; ему необходимо было перемѣнить родъ жизни, а прежде всего отдохнуть. Бросая торговлю еще

до окончанія срока заключеннаго съ его принципалами договора Говардъ вѣроятно не имѣлъ опредѣленныхъ видовъ на другое занятіе; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы у него были какія либо опредѣленные намѣренія. Ихъ едва ли и могъ еще имѣть 17-лѣтній юноша, какимъ былъ въ то время Говардъ.

Періодъ воспитанія Говарда, періодъ подчиненія его чужой руководящей волѣ окончился, — отнынѣ онъ предоставленъ былъ самому себѣ. Естественнымъ яв яется вопросъ, что вынесъ юноша изъ этого воспитанія, какой запасъ умственныхъ и душевныхъ силъ приобрѣлъ онъ для предстоявшаго жизненнаго пути и для самаго выбора этого пути? Передъ нимъ открывались разныя дороги. Одна — торная, соблазняявшая воспользоваться свободою и средствами, довольно значительными для того, чтобы жить въ свое удовольствіе, какъ живетъ большинство богатыхъ молодыхъ людей, предоставленныхъ самимъ себѣ. Этой дороги не избралъ Говардъ. Не пошелъ онъ и по другому пути, — его коммерческая практика не развила въ немъ стремленія умножать свои средства: онъ оставилъ торговлю. Ко всякой же другой дѣятельности необходима была подготовка; нужно было дополнить свое образованіе, крайне недостаточное, какъ мы видѣли, для того, чтобы избрать какую либо свободную профессію или поприще общественной дѣятельности. Дѣйствительно, мы видимъ, что Говардъ не опредѣляетъ сразу рода своей дѣятельности: проходитъ нѣсколько лѣтъ — и онъ остается все на томъ же распутьи, все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи.

Это конечно фактъ отрицательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ характерный, свидѣтельствующій о томъ, что если изъ своего воспитанія Говардъ не вынесъ особенныхъ познаній, то запаса весьма драгоценнымъ свойствомъ — добросовѣстнымъ отношеніемъ къ самому себѣ, осторожностью и вообще серьезнымъ взглядомъ на жизнь. Малоуспѣшное, въ смыслѣ образовательномъ, воспитаніе Говарда имѣло въ результатъ большое значеніе — въ смыслѣ выработки характера. Намъ неизвѣстны факты, которые свидѣтельствовали бы о томъ, что воспитаніе Говарда дѣйствительно было направлено къ этой цѣли; и вѣроятно же всего, что тѣ или другія его свойства были врож-

денными, наслѣдственными; но одно то, что воспитаніе не измѣнило этихъ свойствъ, а укрѣпило ихъ и довело до степени принциповъ, которыми Говардъ руководился во всю свою жизнь, — свидѣтельствуетъ объ его успѣшности.

Внутренній міръ Говарда, его нравственный обликъ къ тому времени опредѣлиться еще не могъ; очертанія этого колоссальнаго характера выступаютъ предъ нами лишь постепенно и мало-помалу.

II.

Путешествіе на континентъ.—Пребываніе въ Стокъ-Ньюингтонѣ.—
Болѣзнь.—Женитьба на Сарѣ Лойдоръ.—Смерть жены.—Поѣздка въ
Португалію.—Плѣнь.—Возвращеніе.

Здоровье Говарда требовало переменны климата и новых впечатлѣній. Поэтому онъ рѣшилъ предпринять путешествіе за границу на болѣе или менѣе продолжительное время. Такое путешествіе было цѣлесообразно и въ отношеніи образовательномъ. Значительный доходъ съ имущества и капитала давалъ Говарду полную возможность осуществить его намѣреніе. Неизвѣстно въ точности, сколько времени онъ посвятилъ этому путешествію; предполагаютъ, что будущій филантропъ провелъ на континентѣ года два. За это время онъ посѣтилъ Францію и Италію. Какъ Говардъ проводилъ время,—неизвѣстно; но онъ не пропускалъ случая посѣщать тотъ или другой музей, галерею и вообще все, что для любознательнаго путешественника могло представить какой либо интересъ. Судя по тому, что онъ за это путешествіе составилъ себѣ небольшую коллекцію картинъ, которыми потомъ украсился его домъ въ Кардингтонѣ, можно думать, что его интересовало искусство. Домой вернулся Говардъ обогащенный знаніями, но здоровье его все же не было вполне крѣпкимъ. Жить въ Лондонѣ оказалось неудобнымъ,—необходимы были лучшія условія—гигіеническія и климатическія. По совѣту врачей, Говардъ поселился въ Стокъ-Ньюингтонѣ,—недалеко отъ Лондона. Не занимаясь ничѣмъ въ особенности, онъ заботился только объ укрѣпленіи своего здоровья. Болѣзненность побудила его интересоваться медициной; съ другой стороны, необходимость слѣдить за атмосферическими переменами, имѣвшими для него большое гигие-

ническое значеніе, вызвала въ немъ интересъ къ метеорологіи, которою онъ занимался съ особенною любовью. Въ этой наукѣ Говардъ однако не шелъ дальше простыхъ наблюденій надъ барометромъ и термометромъ, показанія которыхъ онъ усердно и аккуратно записывалъ. Извѣстно, что во время своего пребыванія въ Стокъ-Ньюингтонѣ Говардъ велъ чрезвычайно строгій образъ жизни—аккуратность, строгая умѣренность въ діетѣ были для него крайне необходимы. Не смотря на молодость, онъ сумѣлъ подчиниться всеѣмъ тѣмъ стѣснительнымъ условіямъ, которыхъ требовало его разстроенное здоровье. Первое время Говардъ жилъ въ своемъ собственномъ домѣ; но тамъ ему не доставало заботливаго ухода; пришлось оставить родной кровъ и нанять помѣщеніе въ домѣ одной очень почтенной вдовы—Сары Лойдоръ. Мужъ ея былъ клеркомъ въ торговой фирмѣ и, умирая, оставилъ женѣ небольшой домъ, который служилъ единственнымъ источникомъ существованія для ея вдовы. Это была добрая женщина 52 лѣтъ, ничѣмъ впрочемъ не замѣчательная. Страдая сама отъ разныхъ болѣзней, она была чутка къ чужому страданію, и неудивительно, что постоялецъ встрѣтилъ въ ней сочувствіе къ себѣ и нѣжную заботливость о его здоровьѣ.

Живя въ ея домѣ, Говардъ сильно заболѣлъ и втеченіе нѣсколькихъ недѣль былъ прикованъ къ постели. Только благодаря нѣжному уходу со стороны мистрисъ Лойдоръ, больной стала поправляться. И вотъ мы встрѣчаемся съ первымъ поразительнымъ фактомъ, обнаруживающимъ характеръ Говарда. Въ благодарность за счастливый исходъ болѣзни, который онъ приписывалъ исключительно заботамъ Лойдоръ, онъ предложилъ ей свою руку и сердце. Старанія умной женщины убѣдить Говарда, что избранный имъ способъ выраженія благодарности мало благоразуменъ, ни къ чему не привели. Говардъ настаивалъ, и она должна была наконецъ согласиться. Никто изъ біографовъ Говарда не могъ отыскать и тѣни романтизма въ этомъ удивительномъ бракѣ 25 лѣтняго молодого человѣка съ 52 лѣтнею женщиною. Говардъ слѣдовалъ исключительно сознанію долга благодарности къ Лойдоръ, и полагалъ, что только бракомъ съ этой женщиною онъ можетъ уплатить этотъ долгъ.

Бракъ Говарда приводятъ обыкновенно въ доказательство того, что еще за долго до своей филантропической дѣятельности, онъ проявлялъ особенное величіе души,—умѣлъ приносить себя въ жертву сознанию долга. Противъ такого взгляда на этотъ фактъ трудно спорить. Но нельзя не видѣть въ немъ также проявленія крайней эксцентричности и своеобразнаго пониманія своихъ обязанностей.

Въ рѣчи, произнесенной во время международнаго тюремнаго конгресса въ Лондонѣ въ 1872 году и посвященной жизни и дѣятельности Говарда, пасторъ Беллоусъ справедливо замѣтилъ, что «бракъ съ Лойдоръ, какъ бы его ни оправдывали и даже ни восхваляли, видя въ немъ доказательство нравственной высоты Говарда,—въ дѣйствительности былъ послѣдствіемъ тѣхъ недостатковъ, которые присущи были его характеру, образованію, воспитанію и наконецъ состоянію его здоровья. И если долгъ побуждалъ его поступить такимъ образомъ, то этотъ поступокъ обнаруживаетъ болѣзненное, опасное настроеніе будущаго филантропа, въ такомъ пониманіи долга—больше теплоты, чѣмъ свѣта; но какъ иллюстрація его умственнаго и нравственнаго облика—этотъ фактъ чрезвычайно характеренъ».

Семейная жизнь Говарда протекала мирно; неравный бракъ не имѣлъ для него тѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя были бы неизбѣжными, если бы рѣчь шла не о Говардѣ. Но недолго длилась эта жизнь,—на третій годъ брака жена его послѣ долгой болѣзни умерла. Дѣтей конечно не было. Говардъ остался опять одинъ безъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ будущаго. Роздавъ имущество, оставшееся послѣ жены, бѣднымъ жителямъ Стокъ-Ньюингтона, онъ рѣшилъ предпринять новую поѣздку на континентъ.

На этотъ разъ онъ направился въ Португалію, пораженную въ 1755 г. страшнымъ бѣдствіемъ—землетрясеніемъ, разрушившимъ многіе города и оставившимъ безъ крова десятки тысячъ людей. Катастрофа эта привлекла къ себѣ вниманіе всей Европы, всюду возбуждая сочувствіе къ обездоленнымъ. Туда-то и рѣшилъ направиться Говардъ. Неизвѣстно въ точности, какія цѣли, онъ имѣлъ при этомъ, что именно намѣре-

вался дѣлать на самомъ мѣстѣ катастрофы; но нѣтъ сомнѣнія, что имъ руководило человѣколюбіе.

Поѣздкѣ Говарда въ Португалію, куда онъ направился морскимъ путемъ на пакетботѣ «Ганноверъ», суждено было имѣть громадное вліяніе на всю его дѣятельность; можно сказать, что это предпріятіе обратило вниманіе Говарда на область, куда благотворительная дѣятельность до него мало проникала, гдѣ царствовали одинъ мракъ безъ всякихъ проблесковъ свѣта.

Но раньше, чѣмъ перейти къ событію, которое необходимо особенно отмѣтить, и въ которомъ нельзя не видѣть зародыша могучей дѣятельности Говарда на поприщѣ тюремной реформы, нелишне задаться вопросомъ, чѣмъ объяснить то, что, обладая недюжинной энергіей и инициативой, будучи воодушевленъ добрыми намѣреніями, искавшими осуществленія въ чужихъ далекихъ краяхъ,—Говардъ не находилъ поприща для дѣятельности у себя дома?

На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта въ біографіяхъ Говарда. Но намъ кажется, что объясненіе заключается какъ въ личныхъ особенностяхъ Говарда, такъ и въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Все, какъ уже извѣстно изъ біографіи Говарда, показываетъ, что онъ не былъ ни рожденъ, ни воспитанъ для того, чтобы стать политическимъ дѣятелемъ. Его спокойное, созерцательное, если можно такъ выразиться, дѣтство, не развившее въ немъ ни общительности, ни честолюбія,—нѣкоторая умственная неподвижность, несомнѣнно обнаруженная Говардомъ, въ связи съ недостаточнымъ его образованіемъ, нисколько не содѣйствовали тому, чтобы естественный запасъ силы и энергіи, присущей характеру Говарда, нашель примѣненіе на политическомъ поприщѣ. Къ тому же онъ отличался крайнею независимостью взглядовъ, и его женитба достаточно доказываетъ, какъ мало обращалъ вниманія Говардъ на общественное мнѣніе, на установившіяся понятія; съ такимъ характеромъ трудно себѣ представить кого либо въ водоротѣ политической жизни, гдѣ все условно, все основано на компромиссѣ.

Если бы Говарда предназначали къ богословской карьерѣ—онъ, навѣрное, внесъ бы въ эту дѣятельность много души и

былъ бы на мѣстѣ въ роли пастора, но къ этой дѣятельности онъ не былъ подготовленъ. Понятно, что дѣятельность филантропическая оказывалась для него наиболѣе подходящей: это было поприще, гдѣ Говардъ могъ стоять на извѣстной высотѣ. Но такъ называемая частная благотворительность, помощь нуждающимся, —случайная и мелкая, —едва ли могла его удовлетворить. Филантропическое поприще, какъ область общественной дѣятельности, служеніе не людямъ, а человечеству, —вотъ что нужно было Говарду. Неудивительно, что прежде, чѣмъ мягкій, ищущій гдѣ бы можно сдѣлать больше добра, взоръ филантропа остановился на мрачныхъ обиталищахъ отчаянія и порока —тюрьмахъ, —Говардъ бездѣйствовалъ, не находилъ примѣненія для своихъ силъ.

Необходимо уяснить себѣ, что «доброта» Говарда не была добротою нервно размягченныхъ субъектовъ, творящихъ добро для облегченія страданія, которое они не могутъ равнодушно переносить. Въ такой добротѣ, въ большинствѣ случаевъ безсистемной и случайной, есть нѣчто слабое, нѣчто эгоистичное, хотя и не въ дурномъ смыслѣ этого слова. Такая доброта не ищетъ себѣ примѣненія —она примѣняется тамъ, гдѣ ей приходится встрѣчать нужду и страданіе. Доброта Говарда была иного свойства. Она вполнѣ уживалась съ удивительною твердостью характера, съ строгостью, съ педантическою точностью и послѣдовательностью; эта доброта, превращенная въ догматъ, ищущая примѣненія и стремящаяся создать нѣчто прочное, представляла собою запасъ душевной силы, не способной тратиться на мелочи....

Дома у себя Говардъ долго не находилъ поприща, гдѣ бы онъ могъ примѣнить свои силы, потому что филантропическая дѣятельность къ тому времени сдѣлалась уже въ Англіи государственнымъ достояніемъ и представляла собою одну изъ задачъ мѣстнаго самоуправленія. Со времени Елизаветы, съ 1604 года, помощь бѣднымъ была прочно организована; налогъ для бѣдныхъ давалъ болѣе или менѣе достаточныя средства; тутъ Говардъ не могъ внести ничего своего, тутъ нечего было созидать. Нельзя не принять во вниманіе и того, что Говардъ былъ строгимъ сектантомъ и принадлежалъ

къ преслѣдуемой, если не сектѣ, то религіозной партіи—диссидентовъ, и благотворительная дѣятельность его въ качествѣ члена мѣстнаго самоуправленія встрѣчала бы не только препятствія, но даже непродолимые затрудненія.

Вотъ почему Говардъ, такъ сказать, искалъ подходящаго случая; такой случай наконецъ и представился ему въ Португаліи. Толпы обездоленныхъ и лишенныхъ крова ждали помощи—и вотъ Говардъ, вѣроятно не уяснивъ себѣ, въ чемъ именно будетъ заключаться его дѣятельность среди португальцевъ, поспѣшилъ откликнуться на зовъ страждущихъ.

Пакетботъ «Ганноверъ», на которомъ отправился Говардъ, не дошелъ до мѣста назначенія—Лиссабона. Семилѣтняя война была тогда въ разгарѣ, и Франція не пропускала англійскихъ судовъ. Недалеко отъ Бреста «Ганноверъ» былъ захваченъ въ плѣнъ французскимъ каперомъ и приведенъ въ Брестъ. Тамъ Говардъ, вмѣстѣ съ прочими пассажирами, въ качествѣ военно-плѣннаго былъ заключенъ въ тюрьму. Въ темной, грязной, лишенной воздуха, комнатѣ, безъ пищи и безъ сна Говардъ провелъ шесть дней. Изъ Бреста его перевели въ Морле, затѣмъ въ Карпэ, и наконецъ дали ему относительную свободу, выпустивъ изъ заключенія на честное слово. Говардъ внушалъ столько довѣрія даже враждебнымъ французамъ, что послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Карпэ его отпустили на честное слово въ Брестъ, а затѣмъ и въ Англію, причемъ онъ обязался вернуться назадъ, если англійское правительство откажется взамѣнъ его отпустить на свободу одного изъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ. Дома онъ не считалъ себя свободнымъ до тѣхъ поръ, пока ему не удалось исходатайствовать освобожденія одного французскаго офицера и выполнить такимъ образомъ данное слово.

Самъ Говардъ въ своей книгѣ, изданной почти 20 лѣтъ спустя и посвященной состоянію тюремъ, рассказываетъ о томъ, что приходилось терпѣть военноплѣннымъ.

«Какъ обходятся французы съ англійскими военноплѣнными, говоритъ онъ,—мнѣ пришлось испытать лично на себѣ въ 1756 году, когда корабль, на которомъ я былъ пассажиромъ, по дорогѣ въ Португалію былъ захваченъ французскимъ каперомъ. Прежде чѣмъ насъ привезли въ Брестъ, я страдалъ

отъ жажды и голода: втеченіе 40 часовъ мы не получили ни капли воды, ни кусочка пищи. Въ брестской крѣпости пришлось 6 ночей пролежать на соломѣ. Такъ обращались со всѣми моими соотечественниками—въ Морлэ и Карпэ, гдѣ я втеченіе 2 мѣсяцевъ оставался подъ честнымъ словомъ. Во все это время я переписывался съ другими плѣнниками, заключенными въ Брестъ, Морлэ и Динанъ (гдѣ содержался мой слуга). Я имѣлъ достаточно доказательствъ жестокаго обращенія съ ними французовъ; нѣсколько сотъ военноплѣнныхъ погибло; въ одинъ день въ общей могилѣ въ Динанъ похоронено было 36 человекъ. Вернувшись — все подъ честнымъ словомъ — въ Англию, я сообщилъ обществу попеченія о больныхъ и раненыхъ морякахъ всѣ подробности и нашелъ въ нихъ сочувствіе къ участи заключенныхъ: при содѣйствіи общества плѣнные матросы были освобождены и доставлены въ Англию... Быть можетъ, прибавляетъ Говардъ, — что испытанныя мною при этомъ невзгоды возбудили во мнѣ сочувствіе къ тѣмъ несчастнымъ, которымъ посвящена эта книга».

Такъ кончилась попытка Говарда прійти на помощь страждущему человѣчеству. Сочувствіе къ заключеннымъ, вынесенное имъ изъ своего путешествія, было только зерномъ, постепенно пускавшимъ корни въ душѣ филантропа, и лишь впоследствии оно проявилось въ столь интересной и обильной дѣятельности, обезсмертившей его имя. Но пока мы видимъ Говарда частнымъ человѣкомъ, устраивающимъ свои личныя дѣла и ограничивающимся возможностью творить добро окружающимъ его. Будущій филантропъ какъ бы собирается съ силами. Здоровье его нѣсколько окрѣпло; онъ уже теперь не прежній болѣзненный, эксцентричный юноша, не знающій куда затратить свои душевныя силы и расходующій ихъ на выполненіе такого долга, какъ благодарность за уходъ, заплаченная женитьбой на 52 лѣтней больной женщинѣ. Это зрѣлый 26 лѣтній молодой человѣкъ, спокойно занимающійся своими дѣлами и выжидающій случая быть полезнымъ.

III.

Говардъ въ Кардингтонѣ.—Его религія.—Интересъ къ метеорологіи.—Избраніе въ члены Королевскаго Общества.—Второй бракъ.—Условіе, заключенное съ невѣстой въ день свадьбы.—Жизнь въ Уэткомбѣ.—Дѣятельность Говарда въ Кардингтонѣ, устройство школы.—Смерть жены.—Говардъ, какъ отецъ.—Его взглядъ на воспитаніе дѣтей.

Говардъ поселился въ своемъ небольшомъ наслѣдственномъ имѣніи Кардингтонѣ, близъ Бедфорда. Здѣсь прожилъ онъ большую часть своего дѣтства, здѣсь же ему суждено было прожить лучшіе годы семейнаго счастья, созданнаго вторымъ бракомъ. Ему пришлось прежде всего привести въ должный порядокъ это запущенное владѣніе, приспособить домъ для своего помѣщенія и заняться устройствомъ своихъ арендаторовъ. Говардъ не заводилъ знакомствъ, жилъ уединенно, посвящая свой досугъ самообразованію. Всѣ біографы отмѣчаютъ его особенную любовь къ религіозному чтенію; біблія и евангеліе были книгами, откуда Говардъ черпалъ правила жизни. Въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ онъ являлся истиннымъ пуританиномъ. Религія его не носила на себѣ свѣтлаго и жизнерадостнаго отпечатка; строгая и мрачная, она граничила съ аскетизмомъ. Въ ней не было красокъ, не было мягкой теплоты. Біографы Говарда справедливо видятъ въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ и жизни преобладаніе древне-іудейскихъ религіозныхъ принциповъ, идеаловъ ветхаго завѣта.

Понятно, что классическая литература съ ея пластикой не могла привлекать Говарда; не красота, а величіе духа—вотъ его идеаль. Въ этомъ лежитъ причина его строгости къ себѣ и другимъ,—онъ былъ строгимъ мужемъ и строгимъ отцемъ;

его философія была узкой, сектантской мудростью, строгой и мрачной.

Говардъ по прежнему занимался метеорологіей и неуклонно продолжалъ свои наблюденія надъ температурой. Онъ вель аккуратныя записи своихъ наблюденій, причеъ усердіе его доходило до того, что каждыя сутки онъ вставалъ около 2 часовъ ночи и при свѣтѣ фонаря отмѣчалъ температуру. Его любовь и уваженіе къ наукѣ дали ему возможность сдѣлаться членомъ Королевскаго Общества. Общество это принимало въ свою среду не только ученыхъ, но и «любителей науки», однимъ изъ которыхъ несомнѣнно былъ и Говардъ. Свое участіе въ трудахъ Общества Говардъ выражалъ неоднократно сообщеніями своихъ метеорологическихъ наблюденій. Два такихъ сообщенія были напечатаны въ трудахъ Королевскаго Общества,—одно о внезапномъ паденіи температуры, которое удалось Говарду замѣтить въ Кардингтонѣ, а другое—о температурѣ кратера Везувія. Оба изложены въ видѣ краткихъ писемъ на имя секретаря общества.

Года два прожилъ Говардъ одинъ въ своемъ помѣстьѣ; посѣщая довольно часто Лондонъ, онъ заводилъ кой-какія знакомства и между прочимъ познакомился съ семействомъ Лидсъ. Миссъ Генриетта Лидсъ обратила на себя вниманіе Говарда, и спустя короткое время, онъ рѣшился соединить свою судьбу съ судьбою этой дѣвушки. Трудно представить себѣ болѣе подходящую пару. Дочь весьма почтеннаго адвоката въ Кроксфордѣ, Генриетта получила хорошее образованіе и была совершенно свободна отъ недостатковъ женскаго воспитанія прошлаго столѣтія. Въ ней не замѣчалось ни тщеславія, ни влеченія къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Она была чрезвычайно религіозна и оказалась вполне способною понимать такую сосредоточенную строгую натуру, какъ Говардъ. 25 апрѣля 1758 они сдѣлались мужемъ и женою. Весьма характеристиченъ тотъ фактъ, что въ самый день бракосочетанія Говардъ заключилъ съ своей невѣстой формальное условіе, по которому во всѣхъ случаяхъ, когда между ними произойдетъ какое либо несогласіе во мнѣніяхъ, перевѣсъ долженъ брать его голосъ,—онъ одинъ рѣшаетъ всѣ вопросы, жена же должна быть безмолвною и по-

корною исполнительницей его воли. Насколько это условіе говоритъ въ пользу искренности Говарда, предпочитавшаго напередъ установить права, чѣмъ потомъ отвоевывать ихъ, постольку же имъ характеризуется нѣсколько деспотическій характеръ и чисто восточный взглядъ филантропа на подчиненіе жены волѣ мужа. Онъ не допускалъ даже мысли, что иной разъ взгляды жены могутъ быть болѣе вѣрными и съ полной самоувѣренностью желалъ съ самаго начала быть хозяиномъ положенія. Вполнѣ естественнымъ представляются тѣ случаи, когда мужъ, благодаря своей большей житейской опытности, образованію и т. п. оказывается фактическимъ вершителемъ судебъ семьи. Но мало вѣроятно найдется благоразумныхъ женщинъ, которыя напередъ приняли бы такія условія, какія поставилъ своей любимой и любящей невѣстѣ Говардъ. Какъ ни радостны были чувства молодой Генріетты, соединившейся брачными узами съ любимымъ человѣкомъ, въ нихъ несомнѣнно заключалось не мало и горечи: перспектива полнаго подчиненія, нравственнаго рабства не могла быть особенно привлекательною. Но она пошла за Говардомъ, и только высокимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ этой женщины нужно приписать, что ихъ семилѣтняя семейная жизнь протекла во взаимномъ согласіи,—или, согласно условію, въ подчиненіи волѣ мужа. Быть можетъ, къ заключенію такого условія побуждало Говарда различіе религіозныхъ вѣрованій,—Генріетта не была диссиденткой, а принадлежала къ англиканской церкви.

Насколько религіозна была Генріетта, показываетъ рассказанный одною изъ интимныхъ подругъ молодой женщины эпизодъ. Вскорѣ послѣ свадьбы Говардъ, желая доставить женѣ своей развлеченіе, отправился вмѣстѣ съ нею на одно народное гулянье. Молодая женщина, не смотря на оживленное движеніе вокругъ нея, оставалась задумчивой, меланхолической. На вопросъ мужа, о чемъ она такъ задумалась, Генріетта отвѣчала, что думаетъ о послѣдней проповѣди пастора.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы новобрачные оставили Лондонъ и устроились въ Кардингтонѣ. Пришлось заняться приспособленіемъ дома къ новымъ условіямъ жизни. Говардъ

разсчитывалъ приступить къ давно задуманному плану устройства поселянъ, арендовавшихъ у него землю и находившихся въ чрезвычайно плачевномъ положеніи. Улучшенію ихъ участи Говардъ и намѣревался посвятить свое время и свои средства. Но болѣзнь жены заставила отложить осуществленіе этого намѣренія. По совѣту врачей, нужно было переселиться на время въ Уэткомбъ, близъ Лимингтона. Здѣсь Говардъ приобрѣлъ небольшое помѣстье, принадлежавшее морскому капитану Блеку. На новомъ мѣстѣ Говарду пришлось встрѣтить враждебное отношеніе со стороны мѣстнаго населенія, установившееся благодаря жестокому обращенію съ поселянами прежняго владѣльца помѣстья и перенесеннаго также на его преемника. Но скорѣй доброта и благотворительность молодой четы расположили къ нимъ всѣхъ окружающихъ.

Чѣмъ занимался Говардъ во время пребыванія въ Уэткомбѣ — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ ничего характернаго въ образѣ жизни супруговъ не происходило. Не проживъ тамъ полныхъ трехъ лѣтъ, они вернулись въ Кардингтонъ, такъ какъ надежды на цѣлебное дѣйствіе климата въ новомъ мѣстѣ не оправдались. И вотъ Говардъ приступаетъ къ устройству своихъ поселянъ. Ихъ полуразрушенныя жилища, грязныя и тѣсныя, онъ замѣнялъ уютными и гигиеническими коттеджами. Объяснивъ себѣ бѣдственное состояніе поселянъ отсутствіемъ грамотности и недостаткомъ религіознаго воспитанія, Говардъ устроилъ для нихъ школу и выработалъ планъ преподаванія, причемъ почти исключительное вниманіе обращено было на обученіе закону Божію; отъ дѣтей требовалось строгое исполненіе религіозныхъ обрядовъ и посѣщеніе богослуженія. Во всѣхъ своихъ начинаніяхъ онъ встрѣчалъ дѣятельную помощь въ лицѣ Генріетты, вполнѣ сочувствовавшей благотворительной дѣятельности своего мужа. Благородный примѣръ Говарда нашелъ весьма ревностнаго подражателя въ лицѣ богатаго земледѣльца и сосѣда по владѣнію Говарда — мистера Вайтбрида. Благосостояніе поселянъ стало замѣтно увеличиваться; скоро вся мѣстность близъ Кардингтона сдѣлалась одною изъ самыхъ цвѣтущихъ въ королевствѣ.

Заботы о благосостояніи крестьянъ наполняли собою всю жизнь Говарда, поглощали его всего. Такъ онъ прожилъ бы

еще долго, далекимы отъ общественной арены, дѣйствующимъ въ узкомъ кругу сельской жизни; но его счастливая семейная жизнь внезапно прекратилась самымъ плачевнымъ образомъ: 31 марта 1765 года жена Говарда умерла вскорѣ послѣ того, какъ родила сына. Это былъ первый ребенокъ и появленіе его потребовало такой жертвы. Смерть любимой жены глубоко поразила Говарда, — для него отнынѣ не существовало личной жизни; покоровшись волѣ Всемогущаго, онъ подавилъ въ себѣ горе, оставившее глубокой слѣдъ на его твердой, но чуткой натурѣ.

* *
*

До конца жизни Говардъ свято чтить память о безвременно умершей женѣ своей. Все, что ему напоминало о ней, считалось имъ неприкосновенной святыней. Много лѣтъ спустя, передъ одной изъ своихъ поѣздокъ по континенту, ходилъ онъ съ сыномъ по саду и, остановившись у одного изъ деревьевъ, сказалъ ему: «Джекъ, если я не вернусь, ты, оставшись хозяиномъ помѣстья, можешь конечно сдѣлать все, что найдешь нужнымъ, съ деревьями; но это дерево посажено твоею матерью, и если ты тронешь хоть одну его вѣтку, то да не будетъ тебѣ никогда моего благословенія».

Опять, какъ послѣ смерти первой жены, Говардъ рѣшилъ предпринять поѣздку на континентъ. Но забота о сынѣ заставила его отложить отъѣздъ. Здѣсь будетъ у мѣста остановиться на отношеніи Говарда къ своему сыну. Говарда упрекали въ излишней строгости какъ мужа и какъ отца; упреки идутъ такъ далеко, что его обвиняли даже въ жестокомъ обращеніи съ ребенкомъ. Судьба этого мальчика была дѣйствительно печальной. Не зная никогда матери, онъ росъ подъ наблюдениемъ отца, вообще мало способнаго проявлять какія либо нѣжныя чувства, даже тогда, когда онъ ихъ питалъ. Долговременныя отлучки отца, значительную часть времени проводившаго въ поѣздкахъ по континенту, лишали ребенка и этихъ немногочисленныхъ ласкъ. Воспитаніе, данное ему по плану Говарда, было чисто спартанскимъ, основаннымъ на одномъ принципѣ—абсолютнаго подчиненія волѣ старшихъ. Безъ дѣт-

скихъ радостей, въ строгомъ религіозномъ аскетизмѣ, безъ материнской любви и ласки протекала однообразно молодая жизнь. Всякое проявленіе индивидуальности ребенка систематически подавлялось. Ребенокъ не воспитывался, а дрессировался. Неудивительно, что насильственно, только внѣшнимъ образомъ привитыя, но не проникшія въ сознаніе мальчика, религіозныя начала перестали руководить имъ, какъ только юноша почувствовалъ себя на свободѣ, особенно во время своего пребыванія въ Кембриджѣ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ университетскихъ колледжей.

Мы уже видѣли примѣры твердости характера Говарда и той несокрушимой послѣдовательности, съ которою онъ умѣлъ исполнять то, что считалъ своимъ долгомъ. Вотъ какъ излагаетъ взглядъ Говарда на воспитаніе дѣтей его личный другъ д-ръ Айкинъ, со словъ самого Говарда: «Говардъ смотрѣлъ на дѣтей, какъ на созданія, одаренныя страстями и желаніями, но не обладающія еще разумомъ для управленія ими; поэтому дѣти отъ природы какъ бы предназначены къ подчиненію абсолютному авторитету. Первый и фундаментальный принципъ, которымъ необходимо руководствоваться при воспитаніи дѣтей—безусловное подчиненіе ихъ волѣ старшихъ, чего однако можно достигнуть не вразумленіемъ ребенка, такъ какъ дѣйствія разума въ ребенкѣ еще не проявляется, а обузданіемъ и дрессированіемъ». Понятно, что примѣненіе этого принципа со стороны Говарда, умѣвшаго строго придерживаться правила *leniter in modo, sed fortiter in re* (дѣйствовать энергично, хотя и постепенно)—было если и не рѣзкимъ, не жестокимъ, то во всякомъ случаѣ твердымъ и рѣшительнымъ. Неудивительно поэтому, что среди окружающихъ, а затѣмъ у нѣкоторыхъ изъ біографовъ Говарда, сложилось убѣжденіе, что Говардъ жестоко обращался со своимъ сыномъ. Указывали на случай, когда онъ заперъ мальчика, которому было не болѣе 3—4 лѣтъ, въ заброшенномъ домикѣ въ саду, гдѣ ему пришлось оставаться втеченіе нѣсколькихъ часовъ. Въ дѣйствительности же, какъ рассказываетъ одна изъ близкихъ знакомыхъ Говарда, бывшая въ то время у него въ гостяхъ, дѣло происходило такъ: Говардъ вмѣстѣ съ нею, держа за руку своего сына, гулялъ по саду, какъ

вдругъ ему сообщили, что его кто-то ждетъ въ домѣ; рассчитывая тотчасъ же вернуться, онъ велѣлъ мальчику войти въ домикъ и, въ предупрежденіе проказъ, отъ которыхъ могъ бы пострадать ребенокъ, находясь безъ присмотра, заперъ его. Къ несчастію, Говарда задержали, онъ забылъ о запертомъ ребенкѣ и только черезъ нѣсколько часовъ, замѣтивъ его отсутствіе, опрометью бросился въ садъ, чтобы освободить маленькаго узника, который, впрочемъ, мало тяготился одиночествомъ и мирно спалъ въ своемъ заключеніи.

Нечего говорить, что избранная и выполненная Говардомъ система воспитанія ребенка оказалась не только не годною, но и пагубною. «Увѣренный въ чистотѣ своихъ побужденій, Говардъ—говоритъ Беллоустъ—былъ твердъ въ своихъ правилахъ, и во всей его жизни нѣтъ примѣра, чтобы онъ предпочелъ своему личному взгляду чужое мнѣніе... Онъ считалъ человѣческую природу совершенно испорченною и склоненъ былъ всякое естественное чувство приписывать дурному источнику. Человѣческая воля, по его мнѣнію,—революціонна, и потому должна быть сломлена, а не направляема. Онъ считалъ своимъ долгомъ примѣнить къ своему сыну ту свою теологическую теорію, по которой главнымъ началомъ должно служить безпрекословное, не ищущее разумныхъ основаній, повиновеніе».

Чтобы укрѣпить ребенка въ этомъ повиновеніи, Говардъ принуждалъ его переносить большія неудобства, такъ напримѣръ онъ заставлялъ ходить босикомъ по каменистымъ дорожкамъ сада,—что выдрессированный ребенокъ безпрекословно исполнялъ. Отецъ былъ доволенъ своей системой и не безъ нѣкотораго удовольствія увѣрялъ своего друга Айкина, что, прикажи его мальчику положить руку въ огонь,—мальчикъ безъ разсужденія исполнитъ его требованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что ребенокъ не питалъ особенной привязанности къ своему отцу, суровость котораго онъ приписывалъ нелюбви его къ себѣ и капризамъ. Когда стали ясно обнаруживаться несчастныя послѣдствія этого воспитанія, Говардъ все таки не могъ признать своей ошибки, а съ своеобразною «покорностью волѣ Еожей» принялъ это за испытаніе родительскаго сердца; онъ не допускалъ мысли, что нельзя безнаказанно игнорировать права

дѣтства и подчинять дѣтскую природу такой же тирани, какую проявляли надъ самимъ Говардомъ его религіозныя убѣжденія.

* *
*

Полтора года Говардъ безвыѣздно прожилъ въ Кардингтонѣ. Перенесенное имъ нравственное потрясеніе настолько надорвало его физическія силы, что оказалось необходимымъ лечиться, и вотъ онъ проводитъ нѣкоторое время въ Бэтѣ, климатъ котораго дѣйствительно оказался благопріятнымъ для его здоровья. Здѣсь Говардъ имѣлъ возможность дѣлать интересныя наблюденія надъ температурою воды въ источникахъ Бэта; полученные при этомъ результаты онъ сообщалъ Лондонскому Королевскому Обществу.

На обратномъ пути домой Говардъ провелъ нѣкоторое время въ Лондонѣ, вращаясь среди своихъ друзей и членовъ ученаго общества. Слѣдующею весною онъ совершилъ поѣздку въ Голландію, гдѣ ему особенно нравилась чистота нравовъ и религіозность населенія. Но надолго уѣзжать изъ Кардингтона оказывалось неудобнымъ. Говардъ не хотѣлъ оставлять своего ребенка на чужихъ рукахъ и желалъ лично руководить первоначальнымъ его воспитаніемъ.

IV.

Поѣздка на континентъ въ 1769 г.—Религіозное настроеніе Говарда.—Его дневникъ.—Путешествіе до Турина.—Обратный путь черезъ Женеву.—Парижъ.—Измѣненіе плана поѣздки.—Обѣтъ въ Неаполѣ.—Возвращеніе въ Англію.

Когда сыну Говарда было уже 4 года и его, по мнѣнію отца, можно было поручить попеченію наставниковъ, желаніе предпринять долгое путешествіе по континенту стало осуществимымъ. Однако и на этотъ разъ Говардъ не имѣлъ опредѣленной цѣли для путешествія. Жизнь въ Кардингтонѣ была тяжела для него по печальнымъ воспоминаніямъ; для его дѣятельной природы здѣсь не представлялось никакой арены; все, что можно было сдѣлать, онъ сдѣлалъ и оказался опять въ положеніи человѣка безъ опредѣленныхъ занятій. Къ тому же здоровье его отъ бездѣятельности разстраивалось, и врачи совѣтовали ему болѣе или менѣе долгое пребываніе на югѣ Италіи. Помѣстивъ сына у одной очень почтенной особы, содержавшей училище для дѣвочекъ въ Чесдонтѣ, близъ Гердфорда, онъ весною 1769 года собрался въ путь.

Во время этого путешествія Говардъ велъ дневникъ или, вѣрнѣе, записки, заключавшія въ себѣ путевыя впечатлѣнія. Лучшему біографу Говарда, Балдуину Брауну, удалось розыскать манускриптъ, также какъ и нѣкоторыя письма, адресованныя главнымъ образомъ пастору Саймондсу, главѣ конгрегациі диссидентовъ въ Бедфордѣ, къ которой принадлежалъ и Говардъ. Эти записки и письма свидѣтельствуютъ о глубоко-религіозномъ настроеніи, въ которомъ находился Говардъ въ то время. Мѣстами его записки обнаруживаютъ религіозный экстазъ; въ нихъ слышится крикъ души, взывающей къ Богу,

изливающейся въ слагословіи Его, проникающей и ослѣпленной величіемъ Творца. Религіозный экстазъ Говарда не представляетъ въ себѣ ничего мистическаго; это не продуктъ фантазіи, а сознание безконечной высоты идеи о Богѣ. Нельзя не привести здѣсь характеристики религіозности Говарда, сдѣланной пасторомъ Беллоусомъ: «Говардъ жилъ въ дни дуализма, когда матерія и духъ, дѣло и бездѣлье, благочестіе и удовольствія, Богъ и природа, земной міръ и загробный—разсматривались какъ нѣчто враждебное другъ другу, какъ нѣчто антагонистическое. Говардъ не былъ выше идей своего времени и только проводилъ ихъ съ крайней послѣдовательностью. Всякое личное наслажденіе, удовлетвореніе любознательности, интересъ къ музыкѣ и искусству—онъ считалъ отвлекающимъ отъ исполненія религіознаго долга. Никогда еще благочестіе не имѣло такого непосредственнаго, рѣшительнаго вліянія на жизнь человѣка. Св. Симеонъ Столпникъ не былъ болѣе свободенъ отъ человѣческихъ увлеченій и свѣтскихъ удовольствій, чѣмъ Говардъ, который при своемъ благочестіи въ такой же мѣрѣ былъ доступенъ наблюденію, въ какой святой анахоретъ стоялъ внѣ его;—обоихъ одинаково воодушевляло блаженное самоудовлетвореніе и стремленіе къ одному только общенію съ Богомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Говардовомъ благочестіи было что-то болѣзненное, узкое; но нельзя отрицать, что для той миссіи, выполнить которую было предназначено Говарду, его странный піетизмъ и аскетическая суровость, его болѣзненное испытываніе самаго себя и постоянная боязнь лишиться спасенія—были только полезными качествами, послужившими на пользу человѣчеству... Живи Говардъ въ болѣе ранній вѣкъ, онъ удалился бы въ пустыню и жилъ въ пещерѣ, подобно пророку Іереміи. При отсутствіи спеціальнаго образованія, недостаточномъ развитіи фантазіи и живости въ характерѣ,—Говардъ нуждался въ дѣятельности, и къ счастью человѣчества онъ способенъ былъ только къ такой дѣятельности, которая требовала самоотреченія».

Направившись черезъ Калэ и южную Францію и достигши Турина, Говардъ измѣнилъ свои намѣренія. Здоровье его нѣ-

сколько поправилось, и особой надобности въ южномъ климатѣ, какъ ему казалось, уже не предстояло.

Въ запискахъ его имѣется замѣтка отъ 30 ноября 1769 г., въ которой онъ объясняетъ причину, почему рѣшился измѣнить свой первоначальный планъ прожить нѣкоторое время на югѣ Италіи. «Дальнѣйшее путешествіе по Италіи, писалъ Говардъ, было бы удовлетвореніемъ одного только любопытства, между тѣмъ оно потребовало бы нѣсколькихъ лишнихъ недѣль, и еще нѣсколько воскресныхъ дней прошли бы для меня безъ общенія съ собраніемъ единовѣрцевъ, безъ общенія съ Богомъ; трата денегъ на удовольствія, вмѣсто того чтобъ употребить ихъ на благотворительность, противна правиламъ, руководящимъ моею жизнью, и недостойна истиннаго послѣдователя Христа, какимъ я хотѣлъ бы быть. Эти мысли и желаніе скорѣе увидать моего дорогого мальчика побѣдили мое любопытство взглянуть на югъ Италіи и вызвали мою рѣшимость вернуться назадъ. Зачѣмъ суетъ и безумію омрачать мысли ищущаго небеснаго царствія. Крѣпись, душа! Ничтожно, низменно все, что не направлено къ славному царству жизни, свѣта и любви!»

Обратный путь Говардъ совершалъ черезъ Женеvu и Парижъ. Въ письмѣ изъ Женеvy къ пастору Саймондсу онъ сообщаетъ своему другу объ упадкѣ религіознаго духа въ населеніи этого нѣкогда благочестиваго города; развращенность нравовъ, замѣченную въ Женевѣ, Говардъ приписываетъ «принципамъ самаго развращеннаго изъ людей», т. е. Вольтера, и близкому сосѣдству съ Франціей. — Въ Гагѣ Говарду пришлось остановиться; состояніе его здоровья сильно ухудшилось; врачи совѣтовали ему вернуться въ Италію и прожить нѣкоторое время въ Неаполѣ, и вотъ Говардъ опять очутился въ дорогѣ по направленію туда, откуда онъ едва успѣлъ прибыть.

По пути въ Неаполь Говардъ остановился въ Римѣ. Въ письмѣ къ Саймондсу онъ описываетъ пріемъ у папы, и между прочимъ рассказываетъ, что когда папа благословлялъ его, онъ не преклонялъ колѣна, какъ дѣлали прочіе, а только поклонился, чѣмъ вызвалъ негодованіе окружающихъ первосвя-

шенника кардиналовъ. Его возмущаютъ оказываемыя католическимъ населеніемъ божескія почести папѣ; Говардъ не скрываетъ отвращенія, внушаемаго ему католической церковью, и благословляетъ небо, что онъ протестантъ и послѣдователь истиннаго Христова ученія.

Письмо Говарда и его мемуары свидѣтельствуютъ о томъ, что въ описываемый нами періодъ великій филантропъ находился въ чрезвычайномъ религіозномъ возбужденіи. Онъ пользуется всякою остановкою въ пути, чтобы сдѣлать запись въ своемъ дневникѣ относительно посѣщающихъ его религіозныхъ думъ; всѣ чувства и помыслы Говарда сосредоточены на религіи, на стремленіи къ Богу, и оттого нѣкоторыя части его дневника представляютъ собою какъ бы записанныя молитвы о спасеніи и царствіи небесномъ. Каждое свое побужденіе, каждый свой шагъ онъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія христіанскаго долга; душа его изнываетъ отъ сомнѣній; всю свою энергію онъ расходуетъ на одушевляющій его религіозный энтузіазмъ.

Вышей степени своего развитія достигаетъ религіозный экстазъ Говарда въ Неаполѣ. Здѣсь онъ даетъ обѣтъ вѣчнаго служенія Богу и, по распространенному у диссидентовъ обычаю, облакаетъ его въ формальное, письменное обязательство предъ Богомъ. Этотъ документъ, составленный 27 мая 1770 г., чрезвычайно характеренъ; онъ заключаетъ въ себѣ исповѣдь Говарда и торжественное обѣщаніе быть служителемъ Всевышняго. Это обязательство впослѣдствіи возобновлено было Говардомъ въ Москвѣ 27 сентября 1789 года.

Въ Неаполѣ Говардъ пробылъ недолго. Въ іюнѣ 1770 года онъ оставляетъ Неаполь и черезъ Германію возвращается на родину. Одна запись въ дневникѣ, сдѣланная въ Гейдельбергѣ, гдѣ Говардъ провелъ воскресный день (воскресные дни Говардъ никогда не проводилъ въ дорогѣ, а всецѣло посвящалъ молитвѣ), показываетъ, что онъ чрезвычайно тяготился своею бездѣятельностью. Съ ужасомъ онъ оглядывается назадъ и видитъ, что имъ еще ничего не сдѣлано для того, чтобы заслужить царство небесное.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого Говардъ наконецъ прибылъ домой. Его ждало высокое назначеніе. Нашлось поприще, на которомъ онъ могъ выполнить свое обязательство предъ Богомъ и заслужить безсмертіе. Его имя вскорѣ сдѣлалось символомъ самоотверженія на благо страждущему чловѣчеству.

V.

Болѣзнь.— Назначеніе Говарда шерифомъ въ 1773 г.— Исполненіе пмъ своихъ обязанностей.— Знакомство съ состояніемъ тюремъ.— Бедфордская тюрьма.— Уголовное законодательство того времени.— Тюрьмы въ Европѣ.— Задача Говарда

Запущенный домъ въ Кардингтонѣ, цѣлый рядъ воспоминаній, болѣзненно отзывавшихся на настроеніи Говарда, наконецъ его религіозное возбужденіе,— все это удручающимъ образомъ подѣйствовало на его здоровье. Чтобы нѣсколько отвлечься отъ мрачныхъ впечатлѣній, Говардъ совершилъ поѣздку внутрь страны, но по дорогѣ заболѣлъ и втеченіе 6 мѣсяцевъ былъ прикованъ къ постели.

Едва оправившись отъ болѣзни, онъ вернулся домой и съ удвоенной энергіей принялся за попеченіе о бѣдныхъ поселянахъ и учрежденной имъ раньше школѣ. Кругъ дѣятельности его постепенно расширялся; его уже занимали не одни только поселяне собственнаго помѣстья, и втеченіе двухъ лѣтъ имя Говарда сдѣлалось самымъ популярнымъ во всемъ бедфордскомъ округѣ.

Въ 1773 году Говардъ былъ назначенъ шерифомъ въ Бедфордѣ.

Это назначеніе доказываетъ, насколько популяренъ былъ великій филантропъ. Не обладая ни большими помѣстьями, ни обширными связями въ высшихъ аристократическихъ кругахъ, только своими личными качествами Говардъ могъ достигнуть такой высокой чести. Не безъ нѣкотораго риска вступилъ онъ однако на эту должность. Дѣло въ томъ, что, какъ диссидентъ, Говардъ не могъ приять присяги въ установленной закономъ формѣ,— принятіе ея было бы несогласнымъ съ дѣлами исповѣдуемой

имъ религіи, а о компромиссѣ со стороны Говарда не могло быть конечно и рѣчи; отправленіе же должности безъ присяги могло повлечь за собою строгую ствѣтственность въ видѣ значительнаго штрафа и лишенія нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Одинъ изъ его первыхъ біографовъ указываетъ на то, что Говардъ согласился принять на себя званіе шерифа вслѣдствіи обѣщанія, даннаго ему тогдашнимъ лордомъ-канцлеромъ графомъ Бетрстомъ, устранить всякія невыгодныя послѣдствія противузаконнаго вступленія въ должность безъ установленной присяги. Это ни на чемъ не основанное предположеніе оказывается совершенно невѣроятнымъ для всякаго, кто знакомъ съ англійскимъ правовымъ порядкомъ: никто въ мірѣ не можетъ остановить дѣйствіе неотмѣннаго закона, и не во власти лорда-канцлера (министра юстиціи) освобождать кого-либо отъ налагаемой закономъ отвѣтственности. Принимая должность шерифа безъ присяги, Говардъ зналъ, какому риску онъ подвергается, — что всякій враждебно настроенный гражданинъ могъ его привлечь къ отвѣту предъ судомъ. Но видя въ назначеніи его шерифомъ указаніе свыше на путь, по которому ему слѣдуетъ пойти, онъ безъ колебаній и страха пошелъ по нему.

Обязанности шерифа довольно многосложны и чрезвычайно важны. Шерифъ — представитель государственной власти. Въ его рукахъ сосредоточены какъ надзоръ за мѣстнымъ самоуправленіемъ, такъ и всѣ функціи, ввѣряемыя непосредственно представителямъ короны. Одна изъ главныхъ обязанностей шерифа — участіе, какъ вспомогательнаго, впрочемъ органа, въ отправленіи правосудія. Всецѣло на обязанности шерифа лежало завѣдываніе и попеченіе о тюрьмахъ. Для Говарда открывалось такимъ образомъ широкое поле дѣятельности.

Званіемъ своимъ онъ воспользовался не для одного представительства въ средѣ мѣстнаго дворянства, не для устройства торжественныхъ пріемовъ, празднествъ и традиціонныхъ встрѣчъ королевскихъ судей, періодически посѣщавшихъ Бедфордъ на время судебныхъ сессій, а для дѣйствительнаго исполненія всѣхъ обязанностей, соединенныхъ съ этимъ званіемъ.

Въ качествѣ шерифа Говардъ впервые вошелъ въ соприкосновеніе съ міромъ преступниковъ. О тюрьмахъ, ихъ устройствѣ и порядкахъ, господствовавшихъ въ нихъ, онъ зналъ лишь настолько, на сколько объ этомъ говорилось въ случайно читанныхъ имъ книгахъ. И вотъ теперь онъ въ качествѣ шерифа присутствовалъ въ судѣ; предъ его глазами проходили десятки людей, осуждаемыхъ и оправдываемыхъ, измученныхъ, изможденныхъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Говарда, вникавшаго во все, добросовѣстно относившагося къ возложеннымъ на него обязанностямъ, особенно заинтересовалъ тюремный бытъ. Онъ сталъ знакомиться съ условіями содержанія въ тюрьмахъ лицъ осужденныхъ и подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія. Посѣщая для этой цѣли бедфордскую тюрьму, Говардъ увидѣлъ то, чего никогда не могъ бы себѣ представить. Найдено было наконецъ поприще, на которомъ ему оказалось возможнымъ выполнить обѣтъ, данный въ Неаполѣ. Съ этого момента дѣятельность Говарда получаетъ общественный, затѣмъ государственный, наконецъ общечеловѣческій интересъ и не прерывается ни на минуту,—даже смерть застала его за этою дѣятельностью.

Небольшой бедфордской тюрьмѣ суждено было сдѣлаться такъ сказать колыбелью тюремной реформы. Та-же самая тюрьма 100 лѣтъ раньше прославлена была пуританиномъ Беніаномъ, бывшимъ втеченіе 12 лѣтъ ея узникомъ. Сидя въ этой тюрьмѣ, онъ написалъ свою знаменитую книгу «Pilgrim's Progress». Беніанъ былъ личный другъ Мильтона и Кромвеля; осужденный при реставраціи Стюартовъ по обвиненію въ отрицаніи божественнаго происхожденія королевской власти, онъ отбывалъ наказаніе въ той самой бедфордской тюрьмѣ, гдѣ Говардъ впервые сталъ проявлять свою реформаторскую дѣятельность.

Первое, что обратило на себя вниманіе Говарда,—это установившійся обычай не назначать жалованья тюремнымъ смотрителямъ, а сдавать имъ тюрьмы какъ бы на откупъ. Съ указанія на это Говардъ начинаетъ свою книгу «The state of the prisons» (состояніе тюремъ): «Ужасное положеніе заключенныхъ, о которомъ мало кто имѣетъ вѣрное представленіе, впервые обратило на себя мое вниманіе въ бытность мою шерифомъ бед-

фордскаго графства, и главнымъ обстоятельствомъ, возбудившимъ мою дѣятельность на пользу заключенныхъ, было то, что арестованные, признанные невиновными въ судѣ, должны были уплачивать деньги за свое содержаніе въ тюрьмѣ. Нерѣдко люди, не только не осужденные, но и освобожденные отъ всякаго уголовного преслѣдованія вслѣдствіи отсутствія достаточныхъ уликъ для преданія суду, должны возвращаться въ тюрьму и оставаться въ заключеніи, пока не уплатятъ смотрителю за свое содержаніе въ тюрьмѣ, и сверхъ того не вознаградятъ секретаря ассизовъ за его трудъ по дѣлу и т. д. Желая устранить эту жестокость, я обращался къ судьямъ графства съ предложеніемъ назначить опредѣленное жалованье смотрителю вмѣсто того, чтобы предоставлять имъ взимать плату съ заключенныхъ. Это предложеніе было сочувственно встрѣчено, высказана была готовность установить такой порядокъ, — но нужно было указать на прецедентъ для того, чтобы возложить на графство этотъ новый расходъ. И вотъ я отправился въ сосѣднія графства, разыскивая, не установленъ ли гдѣ предлагаемый мною способъ содержанія тюремныхъ смотрителей, но вскорѣ, къ сожалѣнію, убѣдился, что вездѣ существуетъ тотъ же несправедливый порядокъ, противъ котораго я возставалъ. Мнѣ пришлось натолкнуться на ужасныя картины бѣдствія, причемъ, по мѣрѣ моего знакомства съ плачевнымъ состояніемъ мѣстъ заключенія, во мнѣ все болѣе и болѣе крѣпла рѣшимость помочь несчастнымъ. Съ цѣлью подробнаго изученія дѣла путемъ точнаго и разнообразнаго наблюденія, я посѣтилъ большинство мѣстныхъ тюремъ въ Англіи». Чтобы понять всю трудность задачи, поставленной себѣ Говардомъ, необходимо хоть вкратцѣ остановиться на положеніи уголовного законодательства и юстиціи конца 18 столѣтія, какъ на родинѣ Говарда — Англіи, такъ и въ остальной Европѣ.

Въ законодательствахъ господствовалъ одинъ только принципъ, которымъ руководилась уголовная юстиція, — устраненіе преступника и гражданъ вообще. Въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ этотъ принципъ выражался афоризмомъ «бить нещадно, дабы, на то глядя, другимъ

озорничать неповадно было». И въ научной обработкѣ началъ уголовного права, подѣ тѣмъ или другимъ видомъ, въ концѣ концовъ приходили къ тому же основному началу. Каноническое право, не видоизмѣнило этого принципа, даже, наоборотъ, больше укрѣпило его. Принципъ раскаянія, — изъ котораго потомъ выросло благодѣтельное начало исправленія преступниковъ, — былъ слишкомъ мало существеннымъ и почти не имѣлъ практическаго значенія уже по одному тому, что раскаяніе предполагалось слѣдствіемъ суровыхъ карательныхъ мѣръ. Попытки смягчить принципъ устрашенія идеей справедливости — не удавались. Оно и понятно, — личность преступника не принималась въ расчетъ; его дѣяніе требовало отмщенія или вызывало необходимость общественнаго или государственнаго воздѣйствія. Преступное дѣяніе представлялось опаснымъ для общественнаго порядка, необходимо оградить общество или государство отъ нарушителя проядка, — это сдѣлать не трудно, разъ преступникъ попался въ руки правосудія: стоять бросить его въ тюрьму, лишить его жизни. Человѣческая личность сама по себѣ не имѣла никакой цѣнности; государство, сословіе, цехъ поглощали ее вполнѣ; человѣкъ представлялся какимъ то матеріаломъ, не субъектомъ правъ, а объектомъ, — владычествовала масса, корпорація, сословіе. Понятно, что не существовало никакой соразмѣрности вины съ наказаніемъ. Отсюда такое изобиліе казней.

Въ нашемъ русскомъ уголовномъ законодательствѣ очень рано проявилось стремленіе извлекать пользу изъ преступника эксплуатировать для государства его силы; вотъ почему въ исторіи карательной системы у насъ весьма незначительную роль играли тюрьмы, — ихъ было немного. Стоитъ взглянуть на уложеніе царя Алексея Михайловича 1649 года, чтобы убѣдиться, какое ничтожное мѣсто въ карательной системѣ отведено тюремному заключенію. Если за данную вину не полагали справедливымъ казнить, то виновный эксплуатировался въ государственныхъ интересахъ, — вся ссылка сложилась подѣ вліаніемъ принципа полезности, т. е. извлеченія пользы для государства изъ личности преступника. Но, если у насъ этотъ принципъ призванъ былъ къ жизни, благодаря особымъ условіямъ и главнымъ образомъ колонизаціон-

нымъ стремленіямъ правительства, то на Западѣ для примѣненія его не было мѣста. Идея же тюремнаго труда тогда еще не народилась. Мѣста заключенія, гдѣ тюремный трудъ примѣнялся, являлись лишь въ видѣ исключеній, притомъ они не были собственно тюрьмами, а рабочими домами, въ которыхъ содержались не преступники, а бѣдные, нищіе, бродяги.

Заботиться о содержащихся въ тюрьмахъ не было никакого интереса для государства. Попавшій въ тюрьму рѣдко изъ нея выходилъ,—сроки заключенія не были короткими, большею частью преступники содержались въ заключеніи пожизненно. Крѣпкая тюремная ограда и запоры отдѣляли непроницаемой стѣной міръ тюремный отъ всего прочаго міра. Только послѣдній могъ кого либо интересовать; все же, что находилось внутри ограды было забыто,—арестанты считались заживо погребенными,—кому было дѣло до того, раньше или позже подвергнется физическому и нравственному разложенію заключенный живой трупъ. Къ тюрьмамъ можно было буквально примѣнить слова Данта объ адѣ: «оставьте всякую надежду, входящіе сюда».

Такое было общее положеніе тюрьмы съ небольшими видоизмѣненіями въ разныхъ странахъ. Если гдѣ и существовало попеченіе о тюрьмахъ,—то оно всецѣло находилось въ рукахъ духовенства,—особенно тамъ, гдѣ имѣлись духовные ордена. Государство же нигдѣ никакихъ заботъ о тюрьмахъ и о заключенныхъ въ нихъ не проявляло. Замѣчательно, что Англія, служившая образцомъ правильности отправленія правосудія и выработавшая судъ присяжныхъ, привлекавшій въ концѣ прошлаго столѣтія вниманіе всѣхъ реформаторовъ въ области законодательства, что эта же Англія не только не стояла впереди континентальныхъ государствъ въ отношеніи положенія тюремъ, но во многихъ отношеніяхъ оказывалась позади ихъ. Насколько совершененъ былъ судопроизводственный строй, настолько же устарѣлымъ и непригляднымъ было законодательство о преступленіи и наказаніи. Личность гражданина нигдѣ такъ не была гарантирована отъ административнаго произвола, какъ въ Англіи, создавшей еще въ 1215 году «хартію вольностей» и Habeas corpus Act. Но если тотъ же вольный гражданинъ осужденъ, попалъ въ сѣти уголовного закона,—ничто уже

больше не гарантировало его человѣческихъ правъ; надъ нимъ устанавливалось то, что только въ недавнее сравнительно время получило законодательное названіе «уголовнаго рабства» (penal servitude). Въ современной карательной системѣ и организаціи въ Англіи уголовное рабство есть высшій послѣ смертной казни родъ наказанія, между тѣмъ какъ въ Англіи прошлаго столѣтія, когда смертная казнь примѣнялась такъ часто, какъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ (болѣе 200 дѣяній карались смертною казнью), тюремное заключеніе въ видѣ абсолютнаго рабства—было сравнительно легкою карательною мѣрой, являвшейся послѣдствіемъ даже незначительныхъ правонарушеній, во всякомъ случаѣ менѣе значительныхъ, чѣмъ простая кража, каравшаяся смертью.

Въ Англіи, какъ впрочемъ и на континентѣ, не было выработано организаціи тюремнаго управленія. Большинство тюремъ въ королевствѣ—такъ называемыя мѣстныя тюрьмы—были въ исключительномъ завѣдываніи мѣстнаго самоуправленія и содержались пачетъ послѣдняго. Никакого надзора за тюрьмами, за способомъ содержанія въ нихъ заключенныхъ не существовало вовсе. Понятно, что каждое графство стремилось къ тому, чтобы по возможности уменьшить расходъ на преступниковъ. Отсюда и тотъ возмущившій Говарда способъ закабаливанія заключеннаго смотрителемъ тюрьмы, получавшимъ отъ každаго заключеннаго плату за свой трудъ въ качествѣ тюремщика. Характернымъ для Англіи является и то, что духовенство никакого участія въ устройствѣ тюремнаго быта не принимало. Намъ неизвѣстно ни одного случая, чтобы представитель духовнаго сословія въ Англіи обратилъ свое вниманіе на «гнѣздилища порока и отчаянія» и своими попеченіями стремился бы къ облегченію участи несчастныхъ заключенныхъ. Это обстоятельство объясняется отчасти тѣмъ, что въ Англіи издавна существовалъ обостренный раздоръ между представителями разныхъ исповѣданій; поглощенное своими партійными интересами, духовенство, вѣроятно, не находило времени для добрыхъ дѣлъ.

Необходимо указать еще на то обстоятельство, что, принимаясь за тюремную реформу, Говардъ отнюдь не дѣйствовалъ

подъ вліяніемъ нововведеній въ тюремномъ дѣлѣ, предпринятыхъ въ Сѣверной Америкѣ квакерами и увѣнчавшихся блестящимъ успѣхомъ вновь выстроенныхъ Пенсильванской и Оберн-ской тюремъ. Говардъ дѣйствовалъ вполне самостоятельно. Онъ даже не предпринималъ путешествія въ Америку, чтобы ознакомиться съ положеніемъ американскихъ тюремъ.

Личной дѣятельности одного человѣка — обладай онъ даже энергіей Говарда — не могло бы хватить на непосредственное облегченіе ужаснаго положенія, въ которомъ находились заключенные въ тюрьмахъ. Но задача состояла въ томъ, чтобы тюремный вопросъ поставить наряду съ другими важными государственными и общественными вопросами. Нужно было побудить государство обратить вниманіе на тюрьмы, бывшія истинными разсадниками порока и болѣзней; необходимо было сорвать завѣсу съ существующаго порядка вещей и этого одного было бы достаточно, чтобы общественное мнѣніе, а затѣмъ и государственные дѣятели встрепенулись. Состояніе тюремъ было до того ужаснымъ, что никакихъ комментаріевъ не требовалось: одни голые факты поражали своего неумолимою жестокостью. Вотъ почему Говардъ оказался наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для дѣла улучшенія тюремъ. Стоя выше какихъ бы то ни было предрассудковъ, онъ не гнушался мрачнымъ тюремнымъ бытомъ и изучалъ его съ полною добросовѣстностью; по выраженію Беллоуса въ рѣчи на Лондонскомъ тюремномъ конгрессѣ, — «онъ шель впереди современныхъ ему научныхъ дѣятелей въ строгости индуктивнаго метода, точности наблюдений, и терпѣливомъ выжиданіи, пока наблюдаемая область не будетъ вполне исчерпана». Эти свойства являются отчасти послѣдствіемъ отсутствія въ Говардѣ быстрой сообразительности, склонности къ обобщенію, недостатку въ немъ живой фантазіи, способности къ отвлеченнымъ представленіямъ, но еще болѣе конечно скрупулезной добросовѣстности, присущей его характеру, его безконечному терпѣнію, неспособности ко лжи, даже неосторожной, и тому самоотверженію, съ которымъ онъ преслѣдовалъ достиженіе намѣченной имъ цѣли. Безъ преувеличенія можно сказать, что во всѣхъ частяхъ королевства не было ни одной тюрьмы, ни одного ра-

бочаго дома, вообще ни одного помѣщенія, предназначеннаго для заключенія, и ни одного заключеннаго въ нихъ, которые не подвергались бы наблюденію Говарда.

Дѣятельность Говарда только потому и обратила на себя такъ скоро всеобщее вниманіе не только въ Англіи, но и на континентѣ, что изложенное въ его книгѣ положеніе тюремъ представляется вполнѣ объективнымъ матеріаломъ. Каждая строка дышетъ абсолютною правдой, самую дѣйствительностью, подмѣченною хладнокровнымъ и правдивымъ наблюденіемъ. Будь Говардъ энтузіастомъ, чувствительнымъ и увлекающимся обозрѣвателемъ тюремъ, и явись его книга бичующимъ словомъ, взывающимъ къ чувству — она можетъ быть ярче воспламенила бы сердца читателей или слушателей; но яркій пламень быстро и внезапно гаснетъ; увлеченіе прекратилось бы вмѣстѣ съ увлекающимъ словомъ. Для столь серьезнаго и труднаго дѣла, какъ дѣло улучшенія тюремъ, такого увлеченія было бы недостаточно. Нужно было нѣчто феноменальное, — таковою и оказалась дѣятельность Говарда и явившаяся частичнымъ результатомъ ея — книга «о положеніи тюремъ въ Англіи и Уэльсѣ».

«Надо удивляться тому, говоритъ Беллоусъ, что излагая отчетъ о состояніи тюремъ, Говардъ вовсе не выражаетъ своего негодованія, не говоритъ о поправленныхъ правахъ человѣка... Онъ не выставляетъ на показъ своихъ благородныхъ чувствъ, а спокойно описываетъ и сообщаетъ о своихъ наблюденіяхъ, дѣлая какъ бы замѣтки для самого себя. Онъ мало резонируетъ и лишь со свойственнымъ ему практическимъ тактомъ, безъ всякихъ глубокомысленныхъ соображеній, указываетъ на причины плачевнаго состоянія тюремъ, въ которомъ убѣдился многолѣтнимъ добросовѣтнымъ наблюденіемъ».

* *

Выше уже упомянуто о существовавшемъ въ англійскихъ тюрьмахъ порядкѣ, по которому смотритель тюрьмы получалъ вознагражденіе отъ cadaго заключеннаго. Этотъ порядокъ приводилъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Смотритель тюрьмы эксплуатировалъ заключеннаго, подвергая его разнымъ лише-

нѣмъ съ цѣлю вымогательства денегъ. Тюремные сторожа вмѣстѣ съ смотрителемъ занимались продажей крѣпкихъ напитковъ заключеннымъ, а для увеличенія своей прибыли поощряли пьянство въ мѣстахъ заключенія. Часто мужчины и женщины вовсе не раздѣлялись, а содержались въ одномъ помѣщеніи, отъ этого во многихъ тюрьмахъ господствовалъ страшный развратъ. Молодыхъ, новичковъ въ дѣлѣ преступленія, держали вмѣстѣ со взрослыми, прошедшими уже основательно школу порока и преступленія. Отъ каждаго вновь поступившаго арестанта требовался «вкупъ», безъ котораго вновь прибывшій подвергался ужаснымъ пыткамъ со стороны своихъ сотоварищей по заключенію. Полученныя деньги сообща пропивались, поэтому смотрители тюремъ въ своихъ интересахъ поощряли обычай «вкупа». Самою же большою жестокостію было то, что честные люди, имѣвшіе несчастіе впасть въ неоплатный долгъ, помѣщались совмѣстно съ преступниками, подвергаясь всѣмъ жестокостямъ, на которыя обречены были лица, попавшія въ тюрьму за преступленіе. Съ несостоятельныхъ должниковъ смотрители тюремъ дѣлали еще болѣшіе поборы и подъ угрозой жестокаго обращенія съ ними вымогали не только отъ нихъ, но и отъ ихъ родственниковъ и знакомыхъ.

Тюремный персоналъ рекрутировался изъ людей безъ всякой подготовки къ ввѣряемому имъ дѣлу, безъ всякихъ познаній, — требовалось лишь, чтобы тюремщикъ былъ лишенъ чувствительности къ человѣческимъ страданіямъ.

Дисциплина среди заключенныхъ поддерживалась жестокими тѣлесными наказаніями, лишеніемъ пищи, приковываніемъ къ стѣнѣ и т. п.

Помѣщенія тюремныя были до крайности тѣсны. Недостаточная пища, отсутствіе хорошей воды — представлялись обычными явленіями. Неудивительно, что въ тюрьмахъ свирѣпствовали страшныя болѣзни. Больницъ при тюрьмахъ не имѣлось, и одинъ больной заражалъ всѣхъ прочихъ, вслѣдствіе чего смертность среди заключенныхъ доходила до ужасающихъ размѣровъ. Тюрьмы нерѣдко становились источникомъ эпидемическихъ болѣзней, опустошавшихъ окрестности.

Заключенные никакими работами въ тюрьмахъ не занимались. Безъ работы, въ удручающей обстановкѣ многіе арестанты заболѣвали тяжкими формами душевнаго и умственнаго разстройства.

Какъ было міру не ужаснуться, когда ему повѣдано было Говардомъ обо всемъ, что онъ узналъ лично.

VI.

Первая ревизія англійскихъ тюремъ. — Билль Попгема. — Отчетъ предъ парламентомъ. — Благодарность послѣдняго — Говардъ кандидатъ въ депутаты. — Ревизія континентальныхъ тюремъ въ 1775 г. — Бастилія. — Новый осмотръ англійскихъ тюремъ въ ноябрѣ 1775 г. — Печатаніе книги Говарда. — Успѣхъ ея. — Образъ жизни Говарда.

Путь, открывавшійся предъ Говардомъ, былъ имъ ясно намѣченъ, и неуклонное слѣдованіе по избранной дорогѣ составляетъ задачу всей жизни Говарда. Еще въ 1773 г. началъ онъ объѣздъ Англійи съ цѣлью осмотра тюремъ и совершилъ его въ 3 приѣма съ небольшими перерывами.

Уже при первомъ осмотрѣ англійскихъ тюремъ у Говарда накопилось много фактовъ, способныхъ возмутить общественное мнѣніе. Послѣднее уже начало интересоваться положеніемъ тюремъ, и инспекторская дѣятельность Говарда сдѣлалась извѣстна въ парламентскихъ кругахъ. Скоро представился случай воспользоваться пріобрѣтенными Говардомъ свѣдѣніями объ англійскихъ тюрьмахъ. Еще въ 1773 году мистеръ Попгемъ, членъ палаты общинъ, внесъ законопроектъ объ уничтоженіи платы, взимаемой съ заключенныхъ въ пользу смотрителей, и о назначеніи послѣднимъ опредѣленнаго жалованья. Послѣ второго чтенія этого билля оказалось необходимымъ его исправить и дополнить, и лишь съ 31 марта 1774 г. онъ былъ окончательно принятъ парламентомъ. Это была первая законодательная мѣра къ устраненію злоупотребленій въ управленіи тюрьмами. Общій интересъ свелъ Говарда съ Попгемомъ, и благодаря послѣднему, а также и нѣкоторымъ другимъ знакомымъ Говарда въ палатѣ общинъ, въ парламентъ было внесено предложеніе о томъ, чтобы Говардъ въ

засѣданіи палаты общинъ сообщилъ о результатахъ своихъ наблюдений и высказалъ свое мнѣніе о положеніи тюремъ въ Англіи. Предложеніе было принято и въ одно изъ ближайшихъ засѣданій Говардъ былъ приглашенъ дать свой отчетъ. Со свойственной ему объективностью и точностью, Говардъ подробно ознакомилъ депутатовъ со всѣми результатами своихъ личныхъ наблюдений. Сообщение Говарда вызвало большой интересъ, и палата единогласно постановила выразить ему свою благодарность за предпринятое имъ челоуѣколюбивое дѣло и тѣ свѣдѣнія, которыми онъ подѣлился съ палатой; спикеру (предсѣдателю палаты) было поручено призвать Говарда и публично объявить ему о рѣшеніи палаты. Эта высокая честь, оказанная Говарду, сдѣлала его популярнымъ въ высшихъ кругахъ; отнынѣ общественное мнѣніе внимательно слѣдило за нимъ и съ большимъ интересомъ относилось къ его дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что и лично на Говарда это высокое отличіе повліяло благотворно; онъ сталъ вѣрить въ успѣхъ своего дѣла и съ еще большею энергіею принялся за дальнѣйшее осуществленіе своихъ плановъ.

Въ неутомимыхъ разъѣздахъ и посѣщеніяхъ прошелъ весь 1774 годъ.

Въ началѣ 1775 года Говардъ выступилъ на политическую арену. Населеніе Бедфорда должно было выбрать двухъ депутатовъ въ палату общинъ. Выборная агитація, завѣдуемая особой корпораціей въ Бедфордѣ, была въ полномъ ходу, когда Говардъ, по настоянію друзей, согласился выставить свою кандидатуру. вмѣстѣ съ Говардомъ кандидатомъ выступилъ Вэтбридъ, о которомъ мы упоминали выше, и еще два кандидата бедфордской корпораціи. Послѣдней удалось на выборахъ провести своихъ кандидатовъ, Говардъ же и Вэтбридъ оказались съ меньшинствомъ голосовъ. При выборахъ допущены были такія неправильности, что Вэтбридъ и Говардъ рѣшились обжаловать ихъ въ палатѣ общинъ и просить назначенія комитета для провѣрки списковъ избирателей. Комитетъ былъ назначенъ и, по исключеніи тѣхъ лицъ, которыя были неправильно внесены въ списки, — большинство оказалось за Вэтбридомъ и од-

нимъ изъ кандидатовъ корпораціи, — Говардъ же все таки оказался не избраннымъ.

Какъ смотрѣлъ Говардъ на свою кандидатуру и какъ онъ отнесся къ испытанной имъ неудачѣ, показываетъ письмо его къ Саймондсу изъ Лондона отъ 27 марта 1775 г. «Примите, пишетъ онъ, мою благодарность за вашу помощь и усердную преданность къ дѣлу, которое по волѣ Божіей кончилось такъ неудачно для насъ — диссидентовъ. Правительство употребило всѣ усилія, чтобы диссидентъ не попалъ въ депутаты». Только потому Говардъ и согласился выступить кандидатомъ и въ случаѣ удачи оставить избранное поприще дѣятельности, что онъ считалъ свое избраніе общимъ дѣломъ диссидентовъ и придавалъ ему большое значеніе въ смыслѣ достиженія ими гражданской и политической полноправности.

* *
*

Прежде чѣмъ приступить къ обнародованію сдѣланныхъ имъ наблюденій надъ англійскими тюрьмами, Говардъ счелъ нужнымъ ознакомиться съ состояніемъ тюремъ нѣкоторыхъ государствъ на континентѣ. И вотъ въ апрѣлѣ 1775 года онъ предпринимаетъ первую континентальную поѣздку съ ясно намѣченною цѣлью — изученія состоянія тюремъ. Первымъ объектомъ наблюденія Говардъ избралъ Парижъ и его знаменитыя тюрьмы. Но здѣсь изслѣдователь натолкнулся на серьезное затрудненіе: тюремныя власти не допускали постороннихъ къ осмотру тюремъ, особенно Бастиліи, — этой мрачной крѣпости, возбуждавшей ужасъ современниковъ. Неумолимый и не останавливающийся ни предъ какими препятствіями, Говардъ отыскалъ въ законодательствѣ Франціи старый, пришедшій въ забвеніе, хотя никѣмъ не отмѣненный, законъ, по которому въ тюрьмы долженъ быть допускаемъ всякій, желающій сдѣлать какое либо пожертвованіе въ пользу заключенныхъ. Засвидѣтельствованная надлежащимъ образомъ копія съ этого закона оказалась однако недостаточной, и на этотъ разъ Говардъ напрасно стучался въ двери мрачныхъ парижскихъ тюремъ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи англійскаго посланника, и только съ разрѣшенія высшихъ властей настойчивый британецъ былъ допущенъ къ

осмотру парижскихъ тюремъ, кромѣ однако Бастиліи, — этому аду не суждено было имѣть своего Данте, который повѣдалъ бы міру объ ужасахъ тюрьмы, куда ни проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта и милосердія. Подробно осмотрѣны были Говардомъ—Пти-Шателэ, Консьержери, Абайе, Бисетръ,—напоминавшій болѣе госпиталь, чѣмъ тюрьму — и др. Но Говарду очень хотѣлось получить представленіе и о Бастиліи. По цѣлымъ часамъ бродилъ онъ вокругъ мрачныхъ стѣнъ крѣпости, ожидая какого нибудь счастливаго случая, который далъ бы ему возможность проникнуть внутрь ея, и рѣшился даже на удивительно смѣлый шагъ, не увѣнчавшійся однако успѣхомъ. Стоя разъ у воротъ Бастиліи, Говардъ уловилъ моментъ, когда они отворились, чтобы пропустить кого то, и незамѣтно проникъ во внутренній дворъ крѣпости; благополучно минуя часовыхъ, онъ подвигался впередъ, но наконецъ былъ замѣченъ и удаленъ. Къ счастью, эта смѣлая попытка не имѣла никакихъ непріятныхъ для Говарда послѣдствій. Лишенный возможности лично сдѣлать наблюденія надъ Бастиліей, онъ усердно разыскивалъ разныя свѣдѣнія о ней и отыскалъ памфлетъ, написанный лицомъ, втеченіе многихъ лѣтъ содержавшимся въ Бастиліи, свялъ съ него копію и по возвращеніи на родину перевелъ и включилъ его въ свою книгу *Состояніе тюремъ*. Съ особенной радостью принималъ впоследствии Говардъ вѣсть о паденіи Бастиліи.

Послѣ Парижа Говардъ направился во французскую и австрійскую Фландрію, и затѣмъ въ Голландію. Здѣсь взоръ его могъ отдохнуть на голландскихъ тюремныхъ учрежденіяхъ, занимавшихъ тогда одно изъ первыхъ мѣстъ среди континентальныхъ тюремъ. Говарда пріятно поразило незначительное число осуждаемыхъ на смертную казнь и казненныхъ. Въ Амстердамѣ за послѣднія 10 лѣтъ до посѣщенія Говарда не было ни одной казни. Втеченіе цѣлаго столѣтія среднимъ числомъ на годъ не приходилось болѣе одной казни. По сравненію съ обиліемъ казней въ Англіи, и особенно въ Лондонѣ, оказывалось, что на одного казненнаго въ Амстердамѣ, — принимая во вниманіе и разницу въ населеніи обоихъ городовъ, — приходилось 10 казней въ Лондонѣ. Здѣсь же Говардъ впервые познакомился съ

благодѣтельнымъ вліяніемъ на нравственное и физическое состояніе заключенныхъ тюремной работы, а также съ мѣрами, предупрежденія преступленій выразившимися въ краткомъ афоризмѣ, — «сдѣлай человѣка прилежнымъ, и онъ будетъ честнымъ». Говардъ могъ лично наблюдать въ «Прядильномъ Домѣ» надъ благодѣтельнымъ вліяніемъ тюремной работы. И въ своей книгѣ онъ съ особенною подробностью останавливается на голландскихъ тюрьмахъ.

Послѣ Голландіи Говардъ осмотрѣлъ германскія тюрьмы. Ганноверъ, Кассель, Ганнау, Майнгеймъ и Майнцъ были главными пунктами, остановившими на себѣ вниманіе Говарда.

Въ ноябрѣ 1775 года Говардъ вернулся въ Англію и сейчасъ же приступилъ къ провѣркѣ прежнихъ своихъ наблюденій надъ англійскими тюрьмами и сравненію послѣднихъ съ континентальными. Не успѣвъ отдохнуть послѣ утомительнаго путешествія по континенту, онъ вскорѣ опять пускается въ путь. Только къ маю 1776 года эта вторая ревизія отечественныхъ мѣстъ заключенія была закончена. Но Говардъ не рѣшался еще приступить къ печатанію имѣвшагося у него матеріала. Онъ находитъ его недостаточнымъ и предпринимаетъ новое путешествіе на континентъ съ цѣлью изученія не посѣщенныхъ имъ еще германскихъ тюремъ и обзорѣнія мѣстъ заключенія въ Швейцаріи и Италіи.

Только послѣ того какъ свѣдѣнія его были обогащены вторичной поѣздкой на континентъ, и послѣ трехлѣтняго личнаго, непосредственнаго наблюденія, — для чего ему пришлось проѣхать 13418 англійскихъ миль, т. е. болѣе 20 тысячъ верстъ, — Говардъ рѣшается познакомить публику съ собраннымъ имъ матеріаломъ.

Первоначальную редакцію и выборъ фактическихъ данныхъ для книги онъ поручилъ своему другу пастору Денсгеу. Когда матеріалъ былъ отобранъ и планъ выработанъ — Говардъ обратился къ своему школьному товарищу д-ру Прайсу, который успѣлъ уже занять видное мѣсто въ литературѣ и политикѣ — съ просьбой представить свои соображенія о планѣ книги; и только послѣ одобренія его Прайсомъ осторожный изслѣдователь приступилъ къ окончательной редакціи рукописи, причемъ

пользовался помощью доктора Айкина, — одного изъ его самыхъ близкихъ друзей, и внослѣдствіи перваго его біографа.

Появленіе книги Говарда «The state of the Prisons in England and Wales» — *Состояніе тюремъ въ Англии и Уэльсѣ* — произвело большую сенсацію въ Англии и на континентѣ. Движеніе въ пользу реформы уголовного правосудія и законодательства было въ полномъ ходу. Книга Говарда застала уже знаменитую книгу Цезаря Беккариа «о преступленіи и наказаніи». Вдохновенною проповѣдью благороднаго маркиза европейское общественное мнѣніе было уже подготовлено къ тому, чтобы выслушать объективную и ужасную правду о состояніи тюремъ. Въ самой Англии недовольство уголовнымъ законодательствомъ все больше и больше проникало въ интеллигентные слои и выражалось въ парламентѣ, въ прессѣ и въ обществѣ. Книга Говарда отвѣчала такимъ образомъ на запросъ жизни, и этимъ объясняется ея успѣхъ.

* *
*

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію дѣятельности Говарда, нелишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ образѣ его жизни — дома и въ пути.

Здоровье Говарда требовало строгой діеты. Ко времени его путешествій и обзора тюремъ Говардъ не употреблялъ ни мяса, ни вина. Чтобы закалить свой организмъ, онъ ежедневно купался въ холодной водѣ. Прилежаніе его было поразительно. Проживая во время печатанія книги въ Иоррингтонѣ, онъ вставалъ въ 2 часа утра, работалъ до 7, затѣмъ завтракалъ. Въ восемь часовъ утра онъ былъ уже въ типографіи и лично наблюдалъ за печатаніемъ книги. Выходя гулять, онъ запасался фруктами, которые любилъ раздавать встрѣчающимся на пути дѣтямъ. Обѣдъ его состоялъ — изъ хлѣба и молока.

Въ дорогѣ Говардъ придерживался той же строгой діеты. Его сопровождалъ большею частью старый слуга Джонъ Проль, пережившій своего господина и сообщавшій внослѣдствіи біографамъ Говарда не мало свѣдѣній о личной жизни филантропа. Въ поѣздкахъ Говардъ бывалъ положительно неустоимъ, и только внутренняя сила этого характера побуждала

физическую немощь. Едва только успѣвъ пріѣхать на мѣсто назначенія, онъ немедленно приступалъ къ дѣлу, къ осмотру тюрьмы данной мѣстности. Говардъ былъ весьма щедрымъ путешественникомъ, и никто изъ той массы лицъ, съ которыми путешественнику пришлось имѣть дѣло въ дорогѣ, не уходилъ отъ Говарда недовольнымъ. Его частыя поѣздки по англійскимъ дорогамъ сдѣлали его извѣстнымъ всѣмъ содержателямъ гостинницъ, почталіонамъ и др., и которые всегда встрѣчали его съ неподдѣльною радостью.

Поселяне въ Кардингтонѣ не переставали быть предметомъ попеченій Говарда даже тогда, когда онъ весь всецѣло отдался своему дѣлу. Они всегда встрѣчали въ немъ поддержку совѣтомъ и матеріальною помощью. Нечего и говорить, что всѣ поѣздки совершались имъ на свой счетъ, и только благодаря его постоянной умѣренности во всемъ, оказывалось возможнымъ покрывать издержки путешествій изъ доходовъ его сравнительно небольшого имущества.

Сынъ Говарда былъ въ школѣ и, будучи уже 11—12 лѣтнимъ мальчикомъ, проявлялъ такія черты, что возбуждалъ опасенія на счетъ будущаго; но Говардъ не щадилъ средствъ къ тому, чтобы сдѣлать все возможное для воспитанія и образованія своего единственнаго ребенка.

Недолгій отдыхъ въ Кардингтонѣ, который разрѣшилъ себѣ Говардъ по выходѣ въ свѣтъ его книги, былъ внезапно прерванъ въ августѣ 1777 г. извѣстіемъ о тяжелой болѣзни, постигшей его единственную сестру, жившую въ Лондонѣ. Она умерла и оставила все свое имущество Говарду. Смерть сестры глубоко опечалила филантропа, но ему некогда было предаваться личному горю—призваніе влекло его къ дальнѣйшей дѣятельности.

VII.

Понтонная система тюремъ.—Новое путешествіе по континенту.—
Инцидентъ въ Голландіи и болѣзнь Говарда.—Эпизодъ въ Прагѣ.—
Посѣщеніе тюремъ въ Вѣнѣ.—Откровенное мнѣніе Говарда о ре-
формѣ Іосифа II.—Поѣздка по Италіи.—Буря на морѣ.—Возвра-
щеніе на родину.—Новое обозрѣніе тюремъ.

Одною изъ важныхъ карательныхъ мѣръ въ англійской уго-
ловной системѣ была ссылка въ американскія колоніи. Съ
объявленіемъ независимости этихъ колоній Англія лишилась
мѣста для ссылки болѣе тяжкихъ преступниковъ. Оказалась
надобность въ постройкѣ новыхъ тюремъ въ метрополиі.
Между прочимъ предполагалось устроить понтонныя, пла-
вучія тюрьмы на большихъ корабляхъ. Одна изъ такихъ
тюремъ-кораблей «Юстиція» находилась въ Вульвичѣ. Послѣ
посѣщенія ея Говардъ былъ приглашенъ въ палату общинъ
дать свое заключеніе объ удобствахъ и неудобствахъ этой си-
стемы тюремнаго заключенія. 15 апрѣля 1778 года онъ пред-
ставилъ свое заключеніе палатѣ. Говардъ высказался за пред-
почтеніе этой системы ссылкѣ, къ которой онъ относился съ
большимъ недоверіемъ, и предложилъ нѣкоторыя мѣры къ
улучшенію содержанія арестантовъ въ плавучихъ тюрьмахъ.
Согласно съ заключеніемъ Говарда, былъ изданъ временный за-
конъ объ устройствѣ и содержаніи понтонныхъ тюремъ. Пред-
полагалось въ будущемъ устроить большія тюрьмы, въ кото-
рыхъ отбывали бы наказанія присужденные къ каторжнымъ
работамъ. Для того, чтобы собрать основательный матеріаль,
которымъ можно было бы воспользоваться при постройкѣ но-
выхъ тюремъ, Говардъ счелъ нужнымъ предпринять новое пу-
тешествіе по континенту.

Лучше всего былъ поставленъ тюремный трудъ въ Голландіи, и вотъ туда-то вновь направился Говардъ. 19 апрѣля 1778 г. онъ отплылъ изъ Англіи. Въ Амстердамѣ съ нимъ приключился несчастный случай, прервавшій на нѣкоторое время его работу. На него наскочила и опрокинула вырвавшаяся лошадь, причинивъ ему значительные ушибы. Втеченіе 6 недѣль Говардъ не вставалъ, страдая отъ припадковъ нервной лихорадки. Лежа въ постели, онъ велъ дневникъ; такъ же, какъ и записки, съ которыми мы уже имѣли случай познакомить читателя, дневникъ имѣетъ религіозное содержаніе. Едва неутомимый изслѣдователь успѣлъ оправиться на столько, что могъ оставить постель, онъ по совѣту врачей переѣхалъ въ Гагу. Здѣсь Говардъ дѣйствительно сталъ быстро поправляться и вскорѣ приступилъ къ занимавшему его дѣлу.—Изъ Голландіи онъ направился въ Пруссію и прибылъ въ Берлинъ въ концѣ іюня. Въ одномъ изъ писемъ изъ Берлина, знаменитый филантропъ пишетъ, что постигшая его болѣзнь въ Голландіи ослабила его и побуждаетъ торопиться выполненіемъ своего плана, чтобъ скорѣе вернуться въ Англію. Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ о своей аудіенціи у принца Генриха, который съ большимъ интересомъ спрашивалъ его о путешествіи и между прочимъ замѣтилъ, что «онъ съ трудомъ можетъ себѣ представить болѣе тяжелое путешествіе, но цѣль его — велика и человѣколюбива». Короля не было тогда въ Берлинѣ, онъ находился на театрѣ войны съ Австріей—въ Силезіи. По этому поводу Говардъ въ томъ же письмѣ высказываетъ нѣсколько горькихъ мыслей о бичѣ чело-вѣчества—войнѣ. Въ Берлинѣ съ нимъ познакомился тогдашній русскій посоль при прусскомъ дворѣ, князь Долгорукій.

Посѣтивъ Шпандау, гдѣ была большая тюрьма, справедливо прозванная прусскою Бастиліей, а также Магдебургъ и Дрезденъ,—Говардъ наконецъ прибылъ въ Австрію.

Чрезвычайно характеренъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Прагѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ краткую остановку. Желая ознакомиться съ Пражскимъ монастыремъ капуцинскаго ордена, великій тюремовѣдъ задумалъ посѣтить его. Былъ постный день и Говардъ надѣялся застать отшельниковъ пребывающими въ мо-

литвѣ и строгомъ постѣ. Каково же было его удивленіе и негодованіе, когда его ввели въ трапезу, гдѣ святые отцы сидѣли за обширнымъ столомъ, обильно нагруженнымъ яствами и питіями,—въ числѣ которыхъ было не мало и мясныхъ блюдъ. На приглашеніе принять участіе въ скромной трапезѣ Говардъ не только отвѣтилъ отказомъ, но тутъ же выразилъ свое негодованіе и пригрозилъ, что, по прибытіи въ Римъ, сообщитъ папѣ о поведеніи монаховъ. Эта угроза вызвала панику среди сластолюбцевъ, и на слѣдующій день къ Говарду явилась депутація отъ капуциновъ съ просьбой не сообщать папѣ объ ихъ грѣхѣ, причемъ они торжественно обѣщались запомнить урокъ, данный имъ Говардомъ, и на будущее время свято соблюдать посты, а молитвой загладить свои прошлые грѣхи. Говардъ однако не далъ положительнаго отвѣта и предоставилъ себѣ свободу поступить такъ, какъ найдетъ нужнымъ, смотря по обстоятельствамъ.

Оставивъ Прагу, Говардъ прибылъ въ Вѣну. Здѣсь онъ былъ въ первый еще разъ и съ особымъ интересомъ занялся осмотромъ вѣнскихъ мѣстъ заключенія. Австрійскій или, точнѣе, германскій императоръ Іосифъ II усердно занимался реформой уголовного законодательства, отмѣнилъ пытку, поэтому въ Вѣнѣ Говардъ ожидалъ найти значительныя улучшенія и въ тюремномъ устройствѣ. Но онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на него одна изъ главныхъ тюремъ, прозванная *Maison du Bourreau* (домъ палача). Говардъ посвящаетъ нѣсколько словъ видѣнному имъ тамъ. «Здѣсь, какъ обыкновенно, я спросилъ, нѣтъ ли въ тюрьмѣ страдающихъ спеціальной тюремной болѣзью—гнилой лихорадкой, и получилъ отрицательный отвѣтъ. Заключенный въ одной изъ темныхъ келій, въ которую нужно спуститься на 24 ступени, мнѣ показался больнымъ тюремной лихорадкой. Въ тяжелыхъ желѣзныхъ кандалахъ, онъ былъ прикованъ къ стѣнѣ. Его лицо имѣло болѣзненный и несчастный видъ, слезы текли по его щекамъ. Онъ даже не былъ въ состояніи говорить со мною. Я осмотрѣлъ его грудь и ноги, нѣтъ-ли на нихъ кровавыхъ пятенъ, изслѣдовалъ его пульсъ, и убѣдился, что онъ боленъ не лихорадкой. Сосѣдь его по заключенію сообщилъ мнѣ, что это несчастное созданіе

звало къ себѣ на помощь, но его никто не слышалъ. Это—одно изъ крайне нежелательныхъ неудобствъ заключенія въ темныхъ отдаленныхъ кельяхъ».

Въ первоначальномъ изданіи своего дополненія къ книгѣ (впоследствии оно вошло въ книгу) Говардъ по поводу этого случая сообщаетъ: «Многіе спрашивали меня, какія мѣры предохраненія я принималъ при посѣщеніи зараженныхъ мѣстъ въ тюрьмахъ и госпиталяхъ. Я здѣсь отвѣчу разъ навсегда, что прежде всего—милосердіе и благодать моего Создателя, а затѣмъ умѣренность и опрятность—всегда предохраняютъ меня. Надѣясь на божественное провидѣніе и слѣдуя по пути моего долга, я посѣщаю самыя опасныя кельи. Никогда я не вхожу въ тюрьму или госпиталь до завтрака и въ зараженной комнатѣ не дышу полною грудью». Болѣе благопріятными оказались впечатлѣнія, полученныя Говардомъ при посѣщеніи госпиталя и дома для призрѣнія бѣдныхъ въ Вѣнѣ.

Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ Говардъ былъ приглашенъ къ обѣденному столу Маріи Терезіи и, вопреки своему обычаю, принялъ приглашеніе. Во время обѣда, данаго въ честь Говарда англійскимъ посломъ, сэромъ Робертомъ Кейтомъ, гдѣ присутствовали многіе дипломаты и придворныя особы, одинъ изъ гостей указалъ на заслугу императора, отмѣнившаго пытку. На это Говардъ возразилъ: «простите, сэръ,—его величество отмѣнилъ одинъ только видъ пытки, но намѣсто его установленъ другой болѣе тяжкій. Превъзвѣдѣнная пытка подвергала человѣка мученіямъ втеченіе нѣсколькихъ часовъ, а вновь введенная—длится недѣли, мѣсяцы даже годы. Несчастныя жертвы томятся въ отравленной норѣ, пока не сознаются во всемъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ». Посоль хотѣлъ остановить откровенную рѣчь Говарда и шепнулъ ему, что слѣдуетъ быть осторожнымъ, такъ какъ его слова несомнѣнно будутъ переданы императору; на это Говардъ вслухъ отвѣтилъ: «я никогда не воздержусь отъ того, чтобы не сказать правды, о комъ бы ни шла рѣчь, будь то о королѣ или императорѣ; я повторяю то, что сказалъ, и настаиваю на вѣрности сказаннаго».

Изъ Вѣны Говардъ направился черезъ Штирію и Каринтію

въ Триестъ. Послѣ осмотра тюремъ въ этомъ городѣ, онъ моремъ прибылъ въ Венецію, гдѣ осмотрѣлъ мѣста заключенія и обратилъ особенное вниманіе на галеры, къ работамъ на которыхъ присуждались тяжкіе преступники, большею частью пожизненно. Послѣ Венеціи слѣдовала остановка во Флоренціи. Посѣтивъ тюрьму «Delle Stinche», Говардъ замѣтилъ, что пища, отпускаемая арестантамъ, чрезвычайно недостаточна, поэтому поручилъ купить на данныя имъ деньги говядины и раздать заключеннымъ. Когда черезъ нѣсколько дней Говардъ опять появился въ тюрьмѣ, арестанты, не привыкшіе къ такой благотворительности, устроили ему трогательную встрѣчу—пали къ его ногамъ—и ему стоило большого труда увѣрить ихъ, что онъ простой смертный, такой же, какъ и они, и что онъ только желаетъ имъ сдѣлать добро изъ человѣколюбія.

Въ Римѣ Говардъ провелъ сравнительно больше времени. Здѣсь онъ подробно осматривалъ знаменитый домъ св. Михаила для содержанія безпріютныхъ дѣтей. Усилія его проникнуть въ тюрьму святой инквизиціи не привели ни къ какому результату, и ему такъ и не удалось познакомиться съ этою Вастиліей католичества.

Посѣтивъ затѣмъ Неаполь, Говардъ направился на сѣверъ Италіи—въ Чивитта-Векію, и затѣмъ отплылъ въ Ливорно. Буря, не угнавшая втеченіе трехъ дней, гнала корабль, на которомъ находился самоотверженный путешественникъ, а съ окончаніемъ ея корабль ожидало другое приключеніе,—населеніе Ливорно опасалось занесенія чумы и, полагая, что этотъ корабль идетъ изъ «неблагополучныхъ» мѣстъ, не допускало его въ гавань. Новая буря прибила корабль къ африканскому берегу, но и здѣсь пропускъ оказался закрытымъ. Только послѣ остановки на небольшомъ островѣ Горгонѣ, благодаря любезности мѣстнаго губернатора, Говарду и его слугѣ удалось наконецъ добраться до Ливорно.

Черезъ Миланъ, Пьемонтъ, Савойю Говардъ прибылъ въ Швейцарію; здѣсь вновь были осмотрѣны тюрьмы и госпитали, и затѣмъ черезъ Германію и Фландрію онъ наконецъ вернулся къ концу 1779 года домой, сдѣлавъ по континенту 7000 верстъ. Прибывъ въ Лондонъ, Говардъ, по пригла-

шенію «общества попеченія о бѣдныхъ и раненыхъ морякахъ», сдѣлалъ сообщеніе въ засѣданіи общества о состояніи военныхъ госпиталей. Послѣ короткаго отдыха онъ рѣшилъ вновь объѣхать Англію, чтобы ознакомиться съ способомъ содержанія плѣнныхъ и удостовѣриться въ справедливости того, что онъ слышалъ объ этомъ во Франціи. Пробывъ рождественскія святки въ Кардингтонѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, онъ отъ января до ноября 1779 года провель въ путешествіяхъ по Англіи, сдѣлавъ вновь 10¹/₂ тысячъ верстъ пути. Изъ этой поѣздки Говардъ вынесъ утѣшительное убѣжденіе, что его неимовѣрные труды не оставались безплодными, что въ состояніи тюремъ за послѣднее время замѣтно значительное улучшеніе.

Реформа тюремнаго дѣла въ Англіи была на пути къ осуществленію; парламентъ усердно занимался улучшеніемъ законодательства о тюрьмахъ, и недалеко уже было время, когда англійскія тюрьмы сдѣлались образцомъ для всей Европы.

VIII.

Назначеніе Говарда членомъ комитета по постройкѣ новыхъ тюремъ.—Поѣздка въ Данію, Швецію. Пребываніе въ Петербургѣ.—Допросъ палача.—Москва.—Возвращеніе въ Англію.—Посѣщеніе Португаліи и Испаніи въ 1783 г.—Чума.—Поѣздка на континентъ.—Запрещеніе въѣзда во Францію.—Италія.—Малая Азія.—Константинополь.—Венеція.—Возвращеніе въ Англію.—Поѣздка въ 1789 г. въ Россію —Кременчугъ.—Херсонъ.—Смерть Говарда.

Въ 1780 году парламентъ рѣшилъ приступить къ постройкѣ большихъ тюремъ въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ Англіи. Къ завѣдыванію дѣломъ постройки былъ призванъ Говардъ, которому поручено было вмѣстѣ съ Блекстономъ и прочими членами комитета отыскать удобное для постройки мѣсто, выработать планы и т. д. Говардъ съ понятною готовностію принялъ порученіе, но поставилъ условіемъ, что онъ не будетъ получать жалованья. Когда назначенный комитетъ приступилъ къ дѣлу, то вскорѣ выяснилось, что Говардъ расходится во мнѣніяхъ съ своими коллегами. Онъ, какъ замѣчаетъ Беллоусъ, былъ положительно не способенъ къ совмѣстной дѣятельности съ другими. Слишкомъ самоувѣренный, настойчивый, онъ, должно быть, былъ несноснымъ членомъ коллегіи. Не желая тормозить дѣло, Говардъ сложилъ съ себя данныя ему полномочія и задумалъ новую поѣздку на континентъ. При своихъ многократныхъ посѣщеніяхъ континента великій тюрмовѣдъ до сихъ поръ оставлялъ въ сторонѣ крайній югъ, сѣверъ и востокъ. Но онъ былъ человѣкомъ, который не могъ оставлять начатое дѣло неоконченнымъ, и вотъ, чтобы завершить свое знакомство съ континентальными тюрьмами и госпиталями, Говардъ въ маѣ 1781 года отправляется въ новое путешествіе. Бременъ и Копенгагенъ были первыми городами, которые онъ посѣтилъ на

этотъ разъ. Въ послѣднемъ городѣ ему пришлось ознакомиться съ весьма печальнымъ положеніемъ мѣсть заключенія и крайнею жестокостью карательной системы. Отсюда Говардъ направился въ Швецію, гдѣ тюрьмы находились въ самомъ печальномъ положеніи: всѣ недостатки англійскихъ и континентальныхъ тюремъ, казалось, сосредоточены были здѣсь въ еще болѣе ужасной формѣ. Съ другой стороны, Говарда очень интересовала патріархальные обычаи населенія и отправленіе правосудія, отсутствіе формальностей и быстрота рѣшенія дѣлъ въ судахъ.

Изъ Швеціи англійскій изслѣдователь впервые вступилъ на русскую почву. Въ Петербургѣ ждали его прибытія. Во всѣхъ странахъ онъ встрѣчалъ не только радушный пріемъ, но и глубокое уваженіе, внушаемое его дѣятельностью. Говардъ желалъ одного-прибыть въ Петербургъ незамѣченнымъ; ему хотѣлось застать тюрьмы въ ихъ обыденномъ видѣ, а не вычищенными и подготовленными къ инспекціи. Съ этою цѣлью онъ, не въѣзжая въ городъ, вышелъ изъ экипажа и пѣшкомъ вошелъ въ улицы нашей сѣверной столицы. Но вѣсть о прибытіи Говарда быстро распространилась, и не успѣлъ онъ расположиться въ гостиницѣ, какъ къ нему прибылъ посланный отъ императрицы Екатерины II съ любезнымъ приглашеніемъ во дворецъ. Говардъ благодарилъ за честь, но посѣтить дворецъ отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что цѣль его прибытія—посѣщеніе тюремъ, а не дворцовъ; на посѣщеніе же послѣднихъ у него не хватить времени.

Россія была единственною странюю, не примѣнявшей¹ смертной казни за гражданскія преступленія. Извѣстно, что еще императрица Елизавета указомъ Сенату отгѣнила смертную казнь, хотя этотъ указъ и не былъ опубликованъ. Говардъ весьма недовѣрчиво относился къ этому обстоятельству и подозрѣвалъ, что наказаніе кнутомъ во многихъ случаяхъ, по произволу исполнителей приговоровъ, превращается въ смертную казнь; поэтому-то его особенно интересовало видѣть наказаніе кнутомъ. Вскорѣ къ тому представился случай, описанный затѣмъ самимъ Говардомъ. Наказанію кнутомъ подлежали мужчина и женщина. Исполненіе приговора происходило публично, и Говардъ внимательно слѣдилъ за работою палача. Посѣщая

впослѣдствіи тюрьмы, онъ розыскалъ женщину, подвергнутую наказанію кнутомъ, но мужчины нигдѣ, не смотря на тщательные розыски, не оказалось. Предполагая, что онъ умеръ вслѣдствіе произведенной надъ нимъ экзекуціи, Говардъ разузналъ адресъ палача, приводившаго въ исполненіе приговоръ, и, къ удивленію послѣдняго, явился къ нему въ квартиру и подвергъ его тщательному допросу. На вопросы Говарда палачъ отвѣтилъ, что онъ нѣсколькими ударами кнута можетъ причинить смерть,—стоитъ ему только направить ударъ такъ, чтобы конецъ кнута приходился въ бокъ осужденнаго; что онъ иногда получаетъ инструкціи поступить именно такимъ образомъ и что тотъ преступникъ, котораго казнь Говардъ видѣлъ, умеръ именно вслѣдствіе полученныхъ имъ ударовъ.

Говардъ осматрѣлъ всѣ тюрьмы, больницы и благотворительныя учрежденія Петербурга. Особенное вниманіе обратилъ онъ на учрежденный при Екатеринѣ институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ—Смольный монастырь. Подъ просвѣщеннымъ завѣдываніемъ генерала Бецкаго институтъ представлялъ собою образецъ для заведеній этого рода. Говардъ относился съ большимъ уваженіемъ къ Бецкому—и знакомство съ нимъ было всегда однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній о жизни въ Петербургѣ. Здѣсь же познакомился Говардъ и съ генераломъ Булгаковымъ, который, получивъ за свою благотворительную дѣятельность особую медаль, препроводилъ ее къ Говарду, находя, что его скромныя заслуги ничтожны сравнительно съ дѣятельностью Говарда на пользу всего челоувѣчества. Послѣ посѣщенія Кронштадта, гдѣ его поразили своими удобствами и устройствомъ военный госпиталь, Говардъ направился въ Москву. По дорогѣ онъ заболѣлъ лихорадкой, но неутомимо продолжалъ свой путь, останавливаясь лишь въ Вышнемъ Волочкѣ и въ Твери для осмотра мѣстныхъ тюремъ, и черезъ 5 дней былъ въ Москвѣ. Въ письмѣ изъ Москвы отъ 17 сентября 1781 года Говардъ описываетъ Москву и сообщаетъ между прочимъ не безъ удовольствія, что одинъ изъ высшихъ сановниковъ въ Петербургѣ увѣрялъ его, будто-бы его книга будетъ переведена на русскій языкъ. Какъ извѣстно, этому не суждено было сбыться,—книга Говарда, имѣвшая

впрочемъ при всемъ своемъ всемірномъ значеніи для реформы тюремнаго дѣла временный интересъ, впоследствии явилась только памятникомъ старины и, можно сказать, апостольской дѣятельности Говарда.

Изъ Москвы Говардъ черезъ Польшу (въ Варшавѣ произведенъ былъ осмотръ тюремъ), Пруссію и Голландію, вернулся въ концѣ 1781 года въ Англію. Въ началѣ слѣдующаго 1782 года онъ опять объѣзжаетъ англійскія тюрьмы.

Въ 1783 году Говардъ посѣтилъ Испанію и Португалію. Только въ Испаніи ему удалось отчасти познакомиться съ инквизиціей въ Вальядолидѣ, но проникнуть въ мѣста заключенія инквизиціи ему и здѣсь не удалось. На обратномъ пути въ Англію Говардъ заболѣлъ, заразившись вѣроятно въ одной изъ тюремъ въ Лилѣ, гдѣ и долженъ былъ пробыть 10 дней въ постели. Черезъ Фландрію и Голландію великій филантропъ прибылъ въ іюнь 1783 года въ Англію. Посѣтивъ опять нѣкоторыя тюрьмы, онъ приступилъ къ печатанію второго дополненія къ своей книгѣ.

Этимъ закончилась его дѣятельность на поприщѣ тюремнаго преобразованія. Говардъ могъ успокоиться и прожить остатокъ дней своихъ въ сознаніи совершенныхъ имъ заслугъ предъ человѣчествомъ. Но покой не былъ въ натурѣ этого человѣка. Онъ чувствовалъ потребность въ точности выполнить данный обѣтъ—посвятить всѣ свои дни на служеніе Богу.

На югѣ Европы въ приморскихъ мѣстностяхъ свирѣствовывала чума, унося тысячи жертвъ и наводя ужасъ на жителей. И вотъ какъ въ молодости, послѣ землетрясенія, разрушившаго Лиссабонъ, такъ и теперь филантропъ поспѣшилъ на помощь страждущему человѣчеству. Въ 1785 году онъ вновь отплылъ изъ Англіи съ цѣлью посѣтить охваченныя эпидеміей мѣста. Въ его намѣренія входило посѣтить южную Францію и главнымъ образомъ Марсель. Но тутъ онъ натолкнулся на неожиданное затрудненіе, характеризующее порядки до-революціонной Франціи. Говарду запрещенъ былъ въѣздъ во Францію подъ угрозой заключенія его въ Бастилію,—въ той самой крѣпости, тайны которой онъ разоблачалъ въ своей книгѣ. Ходатайство англійскаго посла не могло измѣнить рѣшенія

французскаго правительства. Но Говардъ не былъ человѣкомъ, останавливающимся предъ препятствіями. Переодѣвшись въ костюмъ странствующаго врача, онъ вступилъ во Францію и благополучно достигъ Парижа. Не успѣлъ онъ заснуть въ занятой имъ комнатѣ въ гостинницѣ, какъ къ нему явился полицейскій чиновникъ съ запросомъ, кто онъ и куда ѣдетъ. Оказалось, что въ Парижѣ знали о его путешествіи и зорко за нимъ слѣдили. Къ счастью, его не арестовали сейчасъ же; Говардъ успѣшилъ воспользоваться свободой и ночью же отбылъ изъ Парижа по дорогѣ въ Марсель, куда онъ черезъ нѣкоторое время и прибылъ. Осмотрѣвъ госпитали онъ однако не успѣлъ, — пребываніе его тамъ было не безопаснымъ; ему едва удалось, подъ прикрытіемъ друзей, добраться до Ниццы. Отсюда филантропъ направился въ Италію, останавливаясь во всѣхъ приморскихъ городахъ и занятый изученіемъ положенія госпиталей. Черезъ Флоренцію Говардъ прибылъ въ Римъ. Здѣсь онъ имѣлъ аудіенцію у папы Пія VI, давшаго ему свое благословеніе. Съ дозволенія и благословенія папы Говардъ отправился на островъ Мальту, гдѣ подробно ознакомился съ мальтійскимъ орденомъ и его дѣятельностью. Отсюда безстрашный изслѣдователь направился въ Малую Азію, родину свирѣпствовавшей чумы. Выдерживая во многихъ мѣстахъ строгій и продолжительный карантинъ, онъ прибылъ въ Смирну въ срединѣ мая 1786 года. Ближайшимъ пунктомъ для наблюденія былъ Константинополь, въ которомъ Говардъ провелъ цѣлый мѣсяцъ. Турецкое правительство съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ филантропу и дало ему возможность всесторонне ознакомиться какъ съ мѣстами заключенія, такъ и госпитальями. Въ Константинополѣ Говардъ дѣйствовалъ и какъ врачъ. Его познанія въ медицинѣ, которую онъ любилъ изучать въ молодости, давали ему возможность иногда оказывать неоцѣненные услуги. Посѣтивъ Салоники, затѣмъ опять Смирну, Говардъ направился въ Венецію. Здѣсь онъ пробылъ довольно продолжительное время. Полученныя имъ изъ дому извѣстія были весьма печальнаго свойства. Его сынъ сталъ проявлять признаки умственнаго расстройства. Онъ велъ чрезвычайно распутную жизнь и довелъ свой организмъ до страшнаго состоя-

нія. Слуга Говарда Томассонъ, который прежде сопровождалъ филантропа въ путешествіяхъ и къ которому послѣдній питалъ привязанность за его видимое благочестіе, — былъ усерднымъ наставникомъ молодого Говарда въ его развратной и разгульной жизни. Послѣдствія неудачной воспитательной системы, дурное общество Томассона, жизнь среди чужихъ людей, не счумѣвшихъ, какъ слѣдуетъ, повліять на молодого человека, — все это вмѣстѣ и привело къ столь печальному концу. Помѣшательство молодого Говарда скоро приняло угрожающую форму, и его пришлось помѣстить въ домъ для душевно-больныхъ; тамъ онъ и кончилъ свою жизнь въ 1799 году, на 34 году отъ рожденія.

Въ Венеціи же Говардъ получилъ другое извѣстіе — почитатели великаго филантропа собрали по подпискѣ фондъ для постановки ему памятника при его жизни. Предполагалось поставить статую Говарда въ соборѣ Св. Павла въ Лондонѣ.

Такая форма признанія его заслугъ глубоко огорчила Говарда — въ цѣломъ рядѣ писемъ друзьямъ своимъ онъ старался отклонить ихъ отъ исполненія задуманнаго проекта. Пришлось оставить эту мысль и роздать собранныя суммы участвовавшимъ въ составленіи этого фонда. Не взятые же назадъ деньги затрачены были на благотворительныя цѣли.

Извѣстіе о болѣзни сына не отвлекло Говарда отъ продолженія начатаго изученія венеціанскихъ госпиталей. Но онъ не направился прямо домой, а посѣтилъ раньше Вѣну, гдѣ имѣлъ аудіенцію у Іосифа II, желавшаго знать мнѣніе Говарда о вновь выстроенномъ въ Вѣнѣ военномъ госпиталѣ.

Безъ дальнѣйшихъ остановокъ Говардъ проѣхалъ черезъ всю среднюю Европу и въ февралѣ 1787 года прибылъ въ Кардингтонъ. Не радостно было это возвращеніе домой, — сынъ не узналъ своего отца и всякая надежда на излеченіе была потеряна.

Въ ближайшіе два года Говардъ, живя то въ Лондонѣ среди своихъ друзей, то въ Кардингтонѣ, — закончилъ печатаніе своего сочиненія объ англійскихъ и континентальныхъ больницахъ. Какъ только эта работа была завершена, мысль о новой поѣздкѣ на континентъ, главнымъ образомъ въ Россію,

стала вновь занимать его. Говардъ предчувствовалъ, что, отправившись въ новое путешествіе, онъ ужъ болѣе не вернется на родину. Но внутренній голосъ побуждалъ его къ дѣятельности, онъ желалъ умереть какъ истинный воинъ— со знаменемъ въ рукахъ,—продолжая самоотверженно трудиться на благо человѣчества... Оставивъ въ вѣрныхъ рукахъ свое завѣщаніе, трогательно простившись съ своими друзьями и почитателями, также предчувствовавшими, что они его больше не увидятъ, Говардъ 5 іюля 1789 года оставилъ Англію. Черезъ Голландію и Германію онъ направился въ Петербургъ. На этотъ разъ пребываніе его въ нашей столицѣ было кратковременнымъ; быстро осмотрѣвъ госпитали, онъ направился на югъ Россіи. Цѣль поѣздки по Россіи была изученіе способа содержанія солдатъ и вліяніе его на смертность и болѣзненность въ войскѣ. Въ Европѣ много говорили о жестокомъ обращеніи съ солдатами въ Россіи, о тѣснотѣ казармъ, недостаточности пищи и т. д. Послѣ долгаго путешествія, Говардъ остановился въ Кременчугѣ (на Дѣпрѣ), гдѣ была большая военная больница. Затѣмъ онъ направился ближе къ театру бывшихъ тогда въ разгарѣ военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей.

Въ Херсонѣ Говардъ остановился. Къ этому времени была взята русскою арміею Бендерская крѣпость; наступило затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ, и масса офицеровъ и солдатъ наводнили Херсонъ. Здѣсь Говардъ познакомился съ генераломъ Мордвиновымъ и встрѣтился съ бывшимъ на русской службѣ адмираломъ Пристманомъ. Вскорѣ въ Херсонѣ вспыхнула страшная тифозная эпидемія. Сотнями умирали люди. Говардъ неутомимо помогалъ больнымъ и страждущимъ, занимаясь бесплатнымъ леченіемъ бѣдныхъ. По просьбѣ генерала Мордвинова, онъ отправился за городъ, на разстояніи 24 версты, къ одному помѣщику, дочь котораго заболѣла; всѣ старанія врачей улучшить ея состояніе оказались тщетными; единственная надежда была на помощь Говарда, слышаго святымъ челоувѣкомъ и искуснымъ врачомъ. По прибытіи Говарда дѣйствительно наступило улучшеніе въ состояніи больной, но потомъ болѣзнь разразилась кризисомъ, закончившимся смертью

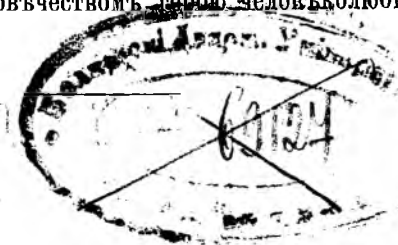
паціентки. Изъ комнаты этой больной Говардъ и вынесъ заразу, для которой его организмъ былъ втеченіи многихъ лѣтъ недоступнымъ. По возвращеніи въ Херсонъ, великій филантропъ слегъ. Потемкинъ, узнавъ о его болѣзни, прислалъ къ нему своего врача, но никакія усилія не могли спасти драгоцѣнную для человѣчества жизнь. За день до смерти Говардъ чувствовалъ себя нѣсколько лучше и поручилъ Пристману купить у одного мѣстнаго жителя небольшой участокъ земли, на которомъ онъ желалъ быть похороненнымъ. Когда къ вечеру Пристманъ опять явился къ Говарду, онъ засталъ его въ радостномъ возбужденіи, — получено было письмо изъ Англїи, что въ состояніи здоровья его сына наступило удрученіе. Сообщивъ объ этомъ извѣстіи Пристману, Говардъ замѣтилъ: «не правда ли, большое счастье для умирающаго отца получить утѣшительное извѣстіе о сынѣ».

Вслѣдъ за этимъ наступила агонія, и къ восьми часамъ утра его мощный духъ отлетѣлъ отъ больного тѣла.

Предъ смертью Говардъ выразилъ свою волю, чтобы его похоронили безъ всякой пышности, и чтобы на могилѣ его положили простой надгробный камень. Воля его была исполнена только отчасти. На могилѣ его въ Херсонѣ стоитъ памятникъ.

Въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ съ Пристманомъ великій филантропъ—это названіе сдѣлалось общепринятымъ эпитетомъ имени Джона Говарда—высказалъ желаніе, чтобы о немъ какъ можно скорѣе забыли. Благодарное человѣчество однако сохраняетъ благоговѣйную память о подвижнической жизни Говарда, да и какъ забыть того, кто оказалъ ему столь великія услуги?

Грандіозныя новѣйшія тюремныя сооруженія, человѣчное обращеніе съ преступниками, тюремный трудъ, поддерживающій физическія и нравственныя силы заключенныхъ и дающій имъ возможность возврата въ среду общества, обученіе арестантовъ, тюремныя больницы—все это нерукотворные памятники, сооруженныя человѣчествомъ перою человѣколюбія.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА Шуточный разговоръ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскія рассказы. А. Лякиндъ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ — 1 р. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Коиради. Съ 5 рисунк. Ц. 2 р. Въ переп. — 2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переп. — 2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Рассказы. А. Нельде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер. 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелова. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. „Объясненіе“ къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 частетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ИСКРЫ БОЖЬИ. Биографическіе очерки А. Островской. Цѣна 1 р. 25 к.

20 БИОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. — 1 р. 50 к., въ переп. — 1 р. 75 к.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. ЛамеФлери. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переп. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИКЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оляверъ Твистъ, 4) Вольшія надежды, 5) Намъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Никтай Никльби, 9) Крошка Дорритъ, 10) Двагорода. Цѣна каждаго романа — 40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. — 2 р. 50 к.

ЧЕРЕЗЪ ДѢБРИ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап. — 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандъ. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р. 50 к.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Тисандъ. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова 353 рис. Ц. 2 р., въ переп. — 2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переп. — 2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисун. Ц. каждаго книжка по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ — 1 р. 75 к., въ переплетѣ — 2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УЪЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ рассказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ — 1 р. 75 к., въ переп. — 2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э. Кандеза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ — 2 р. 25 к., въ переплетѣ — 2 р. 50 к.

Дешевое иллюстрированное изданіе Ф. Павленкова:

СОЧИНЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Полное собраніе, изданное подъ редакціей А. Скабичевского, съ біографіей, портретомъ и 115 рисунками. Въ большомъ форматѣ (одинъ томъ) и въ маломъ форматѣ (4 томика). Цѣна того и другого **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

Учебныя руководства и пособія.

КУРСЪ ПАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. И. Рыкачева. Съ 197 рисунк. Ц. 1 р. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ. А. Залодцаго. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.

КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГИИ И КЛИМАТОЛОГИИ. Профес. Дѣснаго Инстит. Д. Лачинова. Съ 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.

ОСНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГИИ. В. Селезнева. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 60 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Ганго. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. Ц. 4 руб.

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. А. Ганго. Перев. Ф. Павленкова. Съ 604 рис. Ц. 2 р.

КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 335 рисун. и 214 задачами. Ц. 1 р.

ПОПУЛЯРНАЯ ХИМИЯ. Н. Вальберга и Ф. Павленкова. Съ 50 рис. Ц. 40 к.

УЧЕБНИКЪ ХИМИИ. А. Альмединагена. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.

ОБЩЕПОЯТНАЯ ГЕОМЕТРИЯ. В. Потockаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.

ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРСЪ ФИЗИОЛОГИИ. Бурдонъ Сандерсона. Переводъ д-ра Фридриха Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ со многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.

СБОРНИКЪ АРИМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е изданіе. Ц. 40 к.

Тотъ же „Сборникъ“ по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. Т. Лубенца. Ц. 15 к.

УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. Ц. 30 к.

МЕТОДИКА АРИМЕТИКИ. С. Житкова. 3-е изд. Ц. 75 к.

СБОРНИКЪ АРИМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложение къ „Методикѣ ариметки“. С. Житкова. Ц. 40 к.

СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИМЕТИКЪ. Задачннкъ для учениковъ. С. Житкова. 2-е изд. Ц. 25 к.

ЭПИЗОДИЧЕСКИЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. А. Кузнецова. изд. 2-е. Ц. 1 р.

НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКЪ“. Ф. Павленкова. 7-е изд. Ц. 15 к.

РОДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.

АЗБУКА-КОШКА. Ф. Павленкова. 7-е изд., 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.

НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОИСИ. Ф. Павленкова. 1) „КЪ РОДНОМУ СЛОВУ“ Ушанскаго (400 рис.). 2) „КЪ АЗБУКЪ БУНАКОВА“ (460 рис.). 3) КЪ „ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКЪ“ Цаульсона (430 рис.). 4) КЪ „РУССКОЙ АЗБУКЪ“ Вохозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

НАШЪ ДРУГЪ Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа. 15-е изд. съ 200 рис. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ А. Тарнавскаго. Для низш учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 125 рисунками. 4-е изд. Ц. 60 к.

НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.

ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки выписка для чтенія и письма Т. Лубенца 1-я книга Ц. 30 к. 2-я книга. Ц. 40 к.

РУКОВОДСТВО КЪ „ЗЕРНЫШКУ“ Лубенца. Ц. 60 к.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е изд. Ц. 5 к.

РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ“ Т. Лубенца. Ц. 16 к.

КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ А. Карюкова. Ц. 20 к.

„Замѣтки для учителя“ обучающаго по этой книгѣ—10 к.

РУССКОЕ СЛОВО. А. Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ. Ц. 1 р.

РУКОВОДСТВО КЪ „РУС. СЛОВУ“ Ц. 60 к.

АЗБУКА ДОМОВОДСТВА И ДОМАШНЕЙ ГИГИЕНЫ Сост. М. Клима. Ц. 75 к.

300 ПИСЬМЕН РАБОТЪ Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣленій начал. школы. Н. Корфа. Ц. 15 к.

ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ. Длгетовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. М. Герасимова. Съ 98 рис. Ц. 50 к.

СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Савицкаго. Ц. 40 к.

ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГИИ. Пола Бера. Переводъ похъ ред. проф. П. Мечникова. 345 рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Въ падежѣ 1 р. 20 к., въ переп. 1 р. 60 к.

КРАТКИЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сянова. Съ 118 рис. Цѣна 60 к.

СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. Разыграева: 1) Элементарныя свѣд. о правописаніи. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правописаніи. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ. Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А. Колтаковского. 279 рис. Ц. 75 к.

РИСОВАНІЕ АКВАРЕЛЬЮ А. Касаня Перев. съ франц. О. Кочетовой. 120 политик. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф. Шубера. Съ 130 рис. Ц. 60 к.

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корфела. 11-е изданіе, съ 10-ю раскраш. карт. и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ
біографическая бібліотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ бібліотеки войдутъ біографіи слѣд. лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Беранже, Берне, Бетховень, Бисмаркъ, Боккачіо, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гарриксъ, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ, Дачъ, Дарвинъ, Декартъ, Дженнеръ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Р. Кохъ, Кромвель, Кукъ, Ньюве, Лавуазье, Лейбницъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Меттернихъ, Микель-Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицневичъ, Морзе, Томасъ Моръ, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ришелье, Ротшильдъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза, Стэнли, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Францискъ-Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауеръ, Эдисонъ, Дж. Эллиотъ, Эразмъ, и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ. Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Боткинъ, Бѣлинскій, Бэръ, В. В. Верещагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра), Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибодовъ, Демидовы, Кн. Дашкова, Достоевскій, Зининъ, Карзинъ (основатель харьковскаго университета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Баронъ Н. А. Корфъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Мяслова-Маклай, Н. Милютинъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Радищевъ, Салтыновъ, Скобелевъ, Сперанскій, Струве, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается особая книжка, въ 80—100 стр. съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ прилагаются географ. карты, а при біографіяхъ художниковъ—снимки съ ихъ лучшихъ картинъ.

Черньевымъ шрифтомъ напечатаны имена тѣхъ лицъ, біографіи которыхъ уже вышли до 1 мая 1891 года. Затѣмъ дальнѣйшія біографіи выходятъ до четыре въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковниова. (Спб., Лештуковъ пер., № 2). Цѣна каждой книжки 25 к. Все изда-ніе будетъ закончено въ 1893 г.